

Александр
Капьяр

УМНИЦА

16+

Александр Капьяр

Умница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36061403

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман о молодой женщине, ее становлении в круговороте современной жизни. Нина Шувалова – девушка необычная. Наделенная блестящими способностями, она с юности считала себя предназначенной для профессии, карьеры. Однако проснувшаяся в ней женщина предъявила свои права на ее судьбу. Следуя голосу разума и голосу сердца, Нина находит дорогу к счастью.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	86

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.freestockimages.ru/> по лицензии СС0

Часть I

Глава 1

Нина сидела за компьютером, роясь в биржевых сводках. Акции «Газпрома» второй месяц сильно росли и, подобно паровозу, тянули за собой рынок. Еще немного, и пришлось бы вносить поправки во все ближние и среднесрочные прогнозы, от которых зависели многие проекты «Градбанка». Однако Нина была уверена, что рост «Газпрома» скоро прекратится, и с поправками спешить не следует. Откуда у нее была эта уверенность, она сказать не могла, но в прошлом интуиция ее не подводила. Однако так нельзя было написать в заключении – требовалось обоснование; этим Нина и занималась уже вторую неделю. Монитор ее компьютера рябил столбцами цифр и пилообразными графиками; постепенно они оживали, начинали говорить ей каждый что-то свое, соглашаясь или споря друг с другом. В конце концов, к своему удовлетворению, Нина действительно нащупала ряд факторов, на первый взгляд незначительных, но в определенной комбинации способных в скором времени остановить «Газпром». Пора была писать заключение.

Было около одиннадцати. Обычно к этому времени на-

чальница аналитического отдела Ариадна Петровна – очень толстая и очень умная женщина – возвращалась с совещания у директора. Проходя мимо Нины, она всякий раз задевала ее стол своим неуправляемым телом, говорила: «Извини, Шувалова», – и двигалась дальше, к себе в кабинет. Однако на этот раз, поравнявшись с Ниной, она остановилась.

– Шувалова, забирай свое добро и наверх.

– Куда?

– На двенадцатый этаж. К директору.

У Нины упало сердце. Вот и все, закончилась ее пятимесячная афера. Ее разоблачили.

– Мне что – стол освобождать?.. – с трудом выговорила она.

– Освобождай, – сказала Ариадна Петровна и поплыла по проходу дальше.

Нина стала собирать вещи. В комнате аналитического отдела стояла тишина, остальные девять сотрудников – пять женщин и четверо мужчин – сидели, сосредоточенно уткнувшись в бумаги и мониторы.

Запихнув свое скудное имущество в коробку из-под бумаги для ксерокса, Нина двинулась было к выходу, но, поколебавшись, развернулась и направилась к кабинету начальницы.

Ариадна Петровна стояла в маленькой встроенной кухоньке – наполняла электрический чайник, собираясь пить кофе. Нина решительно шагнула в кабинет и закрыла за со-

бой дверь.

– Извините, Ариадна Петровна, все-таки, скажите: меня увольняют?

Женщина с трудом повернула голову на толстой шее.

– Эх ты, а я тебя за умную держала. Чтобы тебя уволить, директор не нужен, это я и сама бы сделала. Выше нос, Шувалова, на повышение идешь! С тебя торт и коньяк.

– Но, Ариадна Петровна...

– Французский. Иди, давай, начальство ждет.

Нина пошла вон из отдела, не чуя под собой ног. Все девять коллег улыбались ей, подняв головы от работы. Стены в кабинете Ариадны Петровны были отделаны звуконепроницаемыми материалами, но почему-то важные новости всегда становились всем известны в ту же секунду.

С пятого этажа, где располагался аналитический отдел, на двенадцатый – этаж дирекции – она поднималась, как ей показалось, бесконечно долго. В большом зеркале на стене лифта отражалось чье-то чужое лицо. Она не была красавицей, но ей не раз внушали подруги, что в ней «что-то есть»; стараясь быть максимально объективной, она сама соглашалась с такой оценкой. Покойная мама говорила: «Нинуся, ты у меня не звезда экрана, но ты умная и честная. Найдется человек, который тебя оценит». Если бы мама видела ее сейчас! Никакого ума в ее лице не наблюдалось – оно было растерянным и глупым. А честность... Какая уж тут честность,

если она уже почти полгода жила обманом и теперь ехала на встречу к человеку, не подозревавшему, что она его ненавидит и твердо намерена нанести ему как можно больший вред.

За время работы в «Градбанке» она видела его всего раза три, однажды – в этом самом лифте. На первом этаже, когда двери уже закрывались, вошел директор еще с кем-то. Нина оказалась зажатой в углу за его широкой спиной. Ей ударили в нос его запахи: глаженной сорочки, здорового мужского тела, табака. И – гуталина. Господи, где он его только взял! Она думала, что такого вонючего гуталина уже не производят. Нина всегда остро реагировала на запахи и теперь едва не теряла сознание.

Вдруг вместо его затылка она увидела лицо. Повернувшись, директор обращался к ней:

– А вы что же не выходите? Уже пятый этаж. Вы ведь у нас в аналитике, верно?.. Ну правильно, я никогда не ошибаюсь, у меня отличная память.

Он самодовольно улыбался. Она пробормотала: «Спасибо», и протиснулась мимо него к двери, вынужденно проелозив грудью по его каменному локтю в дорогой костюмной ткани. У нее горели уши. Хам! Самец! Память у него, видите ли, отличная. Ну, покажу я тебе!..

Но показать долгое время ничего не удавалось. А вот теперь лифт вез ее на двенадцатый этаж, прямо в логово врага.

Здесь, наверху, она никогда прежде не бывала. Те, кто сю-

да допускался, составляли в банке особую касту избранных. Они обладали особенной, только им доступной информацией, у них были свои разговоры, непонятные для других шуток.

В вестибюле, за столом с лампой, сидел мощного телосложения молодой человек в костюме и галстук; эта была охрана – своя для директорского этажа. Нина полезла за пропуском, но охранник остановил ее рукой:

– Вам туда. – Он указал на дубовую дверь.

Дверь в этот момент открылась, из нее вышел человек, которого она знала. Это был Синицын, начальник службы безопасности банка. Он проводил с ней беседу, когда она поступала на работу в «Градбанк». Ничего особенного не сказал, вопросы задавал пустяковые, формальные, но было в нем что-то такое, от чего ей становилось не по себе.

Теперь он широко улыбался ей как знакомой.

– Нина Евгеньевна? Рад видеть. К Павлу Михайловичу? Сюда, пожалуйста. А потом загляните ко мне, хорошо? Знаете, где мой кабинет?

Он любезно придержал для нее дверь.

Она оказалась в приемной – большой, красивой, с толстым ковром на полу и хорошими картинами на стенах. В приемной стояли два стола. За одним, в углу, у компьютера сидела женщина в строгом костюме; она с невероятной скоростью нажимала на клавиши. За другим была красавица.

Неизвестно, зачем природа создает таких красавиц. Вооб-

ще-то, и без красоты люди живут – работают, женятся, растят детей. Мужчины находят достаточную прелесть в своих несовершенных подругах, любят их. Но примерно одной женщине на тысячу природа дает всё: бездонные глаза, роскошные волосы, идеальную кожу, чувственный рот, высокую грудь... Зачем? Может быть, специально для того, чтобы лишать мужчин покоя, а в душах женщин рождать гремучую смесь восхищения и ненависти. И – еще затем, чтобы сидеть в приемных у банкиров, ибо где же им еще быть?

Нина поздоровалась. Секретарша, не переставая стрекотать клавишами, подняла голову, произнесла: «Здравствуйте». Красавица, скользнув по Нине глазами, молча вышла из-за стола. Сделав два шага на умопомрачительных ногах, она открыла внутреннюю дверь, спросила: «Павел Михайлович, к вам можно?» – и кивком пригласила Нину войти.

Чувствуя себя гадким утенком, Нина вошла.

Это была комната для совещаний. По центру проходил длинный стол с дюжиной кресел по бокам, его замыкал стоявший поперек стол директора. Как и в приемной, здесь по стенам с дубовой обшивкой висели картины, а ковер на полу был еще толще. Это был штаб, здесь велись переговоры, принимались самые важные решения. Но сейчас кресла пустовали, и Нине поначалу показалось, что в комнате никого нет. Потом она увидела его.

Павел Михайлович Самсонов, генеральный директор «Градбанка», стоял на одной ноге, в очень странной позе, у

открытого окна. Ему было лет сорок с небольшим. Он был высокий, крупный и теперь без пиджака; майский ветерок играл его галстуком, ерошил редеющие волосы. Увидев Нину, он улыбнулся и встал на обе ноги.

– Тайчи, древняя китайская гимнастика, – сказал он. – Нужно добиться равновесия между силами Инь и Ян.

– И вам удастся? – не веря своим ушам, услышала она собственный дерзкий вопрос.

Он расхохотался:

– Нет. Пока нет. Но я своего добьюсь.

Она натянуто улыбнулась.

Надев пиджак, он сказал:

– Вы ведь Шувалова? Прекрасно, пойдете ко мне.

Из комнаты для совещаний они перешли в смежную – его кабинет. После роскоши других помещений она ожидала увидеть здесь нечто вроде покоев турецкого султана, но кабинет выглядел довольно скромным. Впрочем, кресло, куда директор предложил ей сесть, было бездонным, убаюкивающим, дорогой кожи.

– Да поставьте вы свою коробку, – сказал он. – Что у вас там? Надеюсь, не бомба? – Он опять рассмеялся, но уже не так весело. – Ладно, давайте знакомиться.

Он сел за стол. Ее кресло было рядом, их разделяло всего метра полтора.

– Вы Нина...

– Евгеньевна, – подсказала она. – Можно просто Нина.

– Прекрасно, а я – Павел Михайлович. Вы не против, если я закурю?

Он придвинул к себе пепельницу, достал сигареты, чиркнул зажигалкой. Нина не курила, но даже ей было понятно, что сигареты хорошие, а зажигалка очень дорогая.

Нина впервые рассмотрела его лицо. У него все было крупное: высокий лоб с залысинами, выдающийся нос, большой рот с резкими складками по бокам.

– Извините, не предложил вам, – спохватился он. – Вы не курите?.. Это хорошо. А я вот не могу бросить. Хотите кофе? Нет?.. Кока-колы, минеральной воды?

– Если можно, воды, – сказала она, вдруг ощутив, что в горле у нее в самом деле пересохло.

Он поднял трубку, сказал в нее: «Марина, пожалуйста, кофе и минеральной воды».

Чуть ли не в ту же минуту открылась дверь, и вошла красавица Марина с маленьким подносом. Поднос с чашкой кофе она поставила перед Самсоновым, а стакан с водой сунула Нине. Нина взяла, пробормотала: «Спасибо».

– Ну так вот, – сказал директор, отпивая кофе, когда за Мариной закрылась дверь. – Я хочу с вами кое-что обсудить.

Он вынул из ящика стола и положил перед ней папку из пластика. Нина сразу узнала свой отчет по «Сириусу». Это было ее первое самостоятельное задание в аналитическом отделе «Градбанка». «Сириус» был проектом спортивного комплекса, который планировалось построить на северо-во-

стоке города. В проекте участвовало десятка два компаний. Генеральный подрядчик обратился в «Градбанк» за крупной ссудой и был согласен на весьма выгодные для банка условия.

Сделка считалась делом решенным, шли последние рутинные согласования перед ее заключением. Нине было поручено уточнить некоторые финансовые показатели в бизнес-плане. Она взялась за дело с рвением, ей хотелось проявить себя. Запросив всю доступную информацию, она перелопачивала ее, засиживаясь на работе допоздна. И не зря. Обнаружились несоответствия: в проекте были занижены некоторые риски, недостаточно учтена инфляция, при помощи бухгалтерских приемов завышена ожидаемая прибыль.

Нина посоветовалась с Ариадной Петровной. Та сказала: «Не бери в голову. Обычное дело, в каждом проекте такого добра хватает. А впрочем, укажи в отчете».

Нина продолжала «копать» и постепенно у нее возникла уверенность, что с проектом что-то не так. Когда она, уже в сотый раз, просматривала документы с красивым логотипом будущего спорткомплекса, у нее возникало почти физическое ощущение опасности. Но откуда это ощущение происходило, она так и не смогла определить.

Пришло время сдавать отчет. Нина четко оформила то, что от нее требовалось, а в приложении перечислила обнаруженные неувязки. Потом, поколебавшись, сделала приписку: «В целом проект «Сириус» вызывает серьезные сомнения,

которые, в силу недостатка времени, не удалось ни обосновать, ни опровергнуть. В сложившейся ситуации не могу рекомендовать Банку поддержку проекта. Аналитик Н. Шувалова».

Увидев это, Ариадна Петровна ахнула: «Ну ты и наглая, Шувалова. Кто ты такая, чтобы что-то рекомендовать?.. А вообще, молодец, хватка у тебя есть. Ладно, оставь, я подумую, что с этим делать».

Через некоторое время Нина услышала, что проект «Сириус» не был утвержден. Причины не разглашались.

А теперь она видела свой отчет на столе у генерального директора. Накрыв его широкой ладонью, Самсонов сказал:

– Я хочу знать, на чем была основана ваша рекомендация.

Это был трудный вопрос. Пытаясь уйти от ответа, Нина сбивчиво заговорила:

– Я понимаю, с моей стороны это было некорректно – писать такое. Меня об этом никто не просил. Так что извините, если мое мнение было неуместно...

– Нет, отчего же, – прервал он ее. – Ваше мнение было как нельзя к месту. Кроме вас, во всем банке только один человек был против «Сириуса». Это был я. Но мне было известно кое-что такое, чего вы знать не могли. Поэтому я и спрашиваю, на чем основывались ваши сомнения. Я прочитал то, что вы здесь написали. Все это верно, но этого мало. Так что же?

Поняв, что увильнуть не удастся, она призналась:

– Главным образом, это была интуиция. Я так и не смогла ничего доказать.

Он хмыкнул:

– Гм... И часто у вас так?

– Примерно в половине случаев.

– А в другой половине?

– В других случаях удается найти твердые факты и все просчитать.

Подумав, он сказал:

– Что ж, недурная пропорция. Похоже, вы действительно хороший аналитик. Мне, например, редко удается все просчитать, да и интуиция порой подводит. Зато фактов я знаю побольше. – Он усмехнулся.

– Давно занимаетесь финансовым анализом? – спросил он.

– Шесть лет.

– Окончили финансовый? А работали где? Видно, что вы специализировались по строительству.

– Да, я занималась строительными кредитами в... – Нина назвала небольшой банк, который не выдержал бы сравнения с самым маленьким филиалом «Градбанка».

– Ах да, Синицын мне говорил.

Обсуждать подробности своей прежней работы ей не хотелось и, чтобы сменить тему, она спросила:

– А можно узнать, почему отклонили «Сириус»?

Он удивленно поднял бровь. Генеральный директор

«Градбанка», каждый день обсуждавший многомиллионные дела с воротилами бизнеса, похоже, не знал, как разговаривать с дерзкой молодой сотрудницей.

– Я настоял, – после паузы ответил он. – Видите ли... Я просто знал типа, который стоял за подрядчиком и весь этот «Сириус» затеял. Я с ним когда-то учился в институте на одном курсе. Он меня из комсомола исключал. Редкий подонок. Я был уверен, что с ним дела иметь нельзя. Но это лирика, а для правления мне были нужны другие аргументы. Я бы, конечно, все равно настоял на своем, но не скрою, что ваш отчет мне пригодился, так что спасибо.

К удивлению Нины, похвала этого человека была ей приятна.

– Кстати, если вам интересно, «Сириус» потом получил ссуду в другом месте. – Самсонов назвал известный кредитный банк. – Окончилось все большим скандалом. – Он криво ухмыльнулся. – Друг моей юности перевел все деньги в оффшор зону и сбежал. Его до сих пор ищут. Такие дела.

Директор, не таясь, разглядывал Нину. Чтобы не мешать ему это делать, она поднесла ко рту стакан и, потупив глаза, надолго погрузила губы в минеральную воду.

– Ну ладно, «Сириус» мы обсудили, – сказал Самсонов. – У меня к вам другое дело.

Он подошел к сейфу в стене, пощелкал ключом, открыл массивную дверь и достал еще одну папку – толстую, в глухом твердом футляре.

– Вот это действительно важно, – сказал он, бухая папку на стол. – Что вы знаете о проекте «Зарядье – XXI век»?

– Почти ничего, – честно ответила Нина.

Она что-то слышала по телевизору и читала в газетах о том, что готовился проект возведения огромного делового центра – не где-нибудь на окраине, а в самом историческом центре города. Раздавались протестующие голоса защитников старины, но их было мало и звучали они глухо – верный признак того, что городские власти поддерживали проект и плотно контролировали ситуацию.

– Чтобы вам было понятно, скажу так: в таком крупном предприятии «Градбанк» еще не участвовал. Если мы это дело осилим, то войдем в десятку ведущих инвестиционных банков страны. Ну, а если провалимся... Тогда, в лучшем случае, мы будем торговать пирожками на улице.

– Я и не знала, что «Градбанк» имеет к этому отношение, – сказала Нина.

– Завтра будет объявлен конкурс инвесторов, и мы будем официально в числе претендентов, так что это уже не секрет. Но учтите, что все остальное, с этим связанное, – секрет и очень большой. Я не шучу.

– Я понимаю, – заверила Нина. – Но я ведь ничего не знаю.

– Узнаете. Я хочу, чтобы вы изучили все материалы по «Зарядью» – абсолютно всё, каждую мелочь. Изучите и напишите заключение.

У Нины перехватило дух. Она догадывалась, что речь пой-

дет о каком-то поручении, но это превосходило все ожидания. Если бы она собиралась делать карьеру в «Градбанке», она бы ликовала. Какой шанс! Но Нина пришла в банк не за этим и вместо ликования ощущала спокойную злость, – такую же, какая всегда наполняла ее на теннисном корте.

– Вы хотите, чтобы я нашла аргументы в пользу проекта? Или наоборот?

– Ни то, ни другое. Я не буду вам подсказывать ответы. Сам я уже слишком завяз в этом деле и не могу посмотреть со стороны. А вы окиньте все свежим взглядом и скажите, что вы думаете. Вопросов, по существу, два. Первый – все ли мы сделали, чтобы выиграть конкурс. А второй... Второй – стоит ли нам его выигрывать.

Он смотрел на нее пристально. Несмотря на простой, почти дружеский тон, которым он с ней говорил, было видно, что речь идет об очень важном для него деле.

– Ну как, беретесь?

– Я попробую, спасибо за доверие. Только... Что, если я не справлюсь?

Он развел руками:

– Если не справитесь, я отошлю вас назад, к Ариадне Петровне, только и всего. Она, кстати, не хотела вас отпускать.

Он похлопал по папке:

– Начните с этого, здесь главное. С остальным вас поможет Клара Федоровна. Вы еще не познакомились? Это мой референт, она сидит здесь, в приемной. Теперь так: работать

вы будете одна, тут, рядом, на этом этаже. Клара вам покажет. Ни с кем, кроме меня, ничего не обсуждать, бумаг домой не носить. Все, что касается компьютера – пароли, базы данных и прочее, – вам сообщат Клара и Сеницын. Понятно?

Нина кивнула.

– Ну, тогда вперед. Приступайте, – сказал он удовлетворенно.

Нина сунула тяжелую папку под мышку, другой рукой подобрала свою коробку и двинулась к выходу, но, сделав несколько шагов, выронила ношу.

– Э, нет, так не пойдет. – Самсонов вышел из-за стола, склонил свой массивный корпус, подобрал папку. – Давайте-ка, я вас провожу.

Не слушая возражений, он подхватил папку вместе с коробкой и широким шагом двинулся вон из кабинета. Нина едва поспевала за ним.

В приемной, при виде их, женщина, сидевшая за компьютером, вскочила, подбежала и протянула Нине ключ:

– Это от вашей комнаты. Я Клара Федоровна. Добро пожаловать.

Марина ничего не сказала, но, выходя, Нина почувствовала на себе ее взгляд. Если бы взглядом можно было убить, Нина уже корчилась бы в предсмертных муках. Однако Нину это только развеселило. «Сочувствую, подруга, – мысленно обратилась она к красавице. – Жизнь действительно несправедлива. Смотри: я тут только появилась, а директор мне уже

коробки носит!.. Ладно, успокойся, я тебя подсаживать не собираюсь. И вообще, я здесь надолго не задержусь».

Они прошли в конец коридора, где Самсонов кивнул на дверь:

– Открывайте.

Она открыла, они вошли. Комната была совсем маленькая – стол, стул, шкаф, сейф в углу. На столе – компьютер с уходящими в стену кабелями. Все было пусто, прибрано, но Нина заметила на поверхности стола налет пыли, – видно, комнатой давно не пользовались.

– Ну вот, располагайтесь, – сказал директор, сгружая все на стол. – Если что – звоните мне, Марина соединит. Да я и сам буду к вам заходить.

Он протянул ей руку, и ее узкая ладонь исчезла в его клешне – огромной, твердой, с ощутимыми мозолями, какие бывают от упражнений со штангой. Очевидно, Самсонов занимался не только системой тайчи.

– В ваших руках теперь судьба «Градбанка», – широко улыбнулся он, глядя ей прямо в глаза. – И моя тоже.

И опять, несмотря на его шуточный тон, Нина почувствовала, что ему не до шуток.

Директор ушел, а она села на свое новое рабочее место и закрыла лицо ладонями. Свершилось. То, ради чего она пришла в этот ненавистный банк, устраивалось самым невероятным образом. Она заняла выгоднейшую стратегическую позицию и теперь была в одном шаге от своей цели.

Глава 2

Вечером Нина сидела в своей однокомнатной квартирке и наедине с собой праздновала. Праздников было целых два. Во-первых, у нее были все основания отметить решительный прорыв в ее вредительских планах в отношении «Градбанка». Другой праздник она за праздник не считала; дело в том, что это был день ее рождения – ей исполнилось двадцать семь лет.

Она сидела, забравшись с ногами в любимое кресло. Мягкий свет от торшера создавал уют; рядом, на столике, стояла на треть опустошенная бутылка «Мерло», на блюде – сыр и печенье. Что еще нужно одинокой деловой женщине, чтобы отметить свои праздники? Вдобавок к этому в углу мерцал телевизор – по давнишней привычке Нина держала его включенным, но без звука. Мелькание немых картинок занимало глаза, помогало расслабиться.

Отец звонил, поздравил; условились, что Нина заедет к нему в субботу. Нине показалось, что голос у него напряженный, хриплый. Неужели он опять пьет? От этой мысли у нее защемило сердце.

Звонили и две подруги, оставшиеся у нее от студенческих лет. Обе были прочно замужем, с детьми. Хотели собраться, но так ни о чем и не договорились. В последние годы подруги упорно пытались ее сосватать, и Нина уже избегала с ними

встречаться, опасаясь, что придется мучительно поддерживать беседу с каким-нибудь очередным «сослуживцем мужа» или «случайно зашедшим знакомым». Все эти женихи были, возможно, не так уж плохи, но вот беда – Нина приходила в ужас при мысли о каких-то отношениях с ними.

На экране, энергично жестикулируя, говорил о чем-то президент страны. «Вот с кем я бы познакомилась, – сказала Нина вслух телевизору. – Уверена, что он не чета тем, которые у меня были. Вот я какая: подайте мне президента, на меньшее я не согласна!» Она наполнила бокал, подняла его и чокнулась с бутылкой: «Ладно, президентша, с днем рождения тебя еще раз!»

От вина изображение в телевизоре немного утратило четкость, и мысли тоже поплыли. Как всегда в таких случаях, ей вспомнилась мама, школьные годы.

Нина выросла в хорошей городской семье. Отец, Евгений Борисович, был строителем, главным инженером строительного треста. Мама преподавала французский язык в институте. Жили в просторной трехкомнатной квартире, которой по тем временам позавидовали бы многие.

Нина всегда была способной, училась легко, особенно выделялась по математике. «Это у тебя от меня», – самодовольно говорил отец. Он научил Нину играть в шахматы и сам по вечерам садился с ней за шахматную доску. Однако скоро эти сеансы перестали доставлять ему удовольствие, потому

что Нина стала у него выигрывать, и только большими усилиями ему удавалось добиться ничьей. Он хотел записать ее в шахматный кружок, но мама воспротивилась: «Что это за занятие для девочки? Я не допущу, что Нина стала какой-то чудачкой, синим чулком!» Вместо этого девочке было предложено на выбор: заняться фигурным катанием или теннисом. Нина выбрала теннис.

Выбор был удачный: теннис Нине давался, она бегала на тренировки с удовольствием. Худая, фигуркой походившая на кузнечика, она летала по корту стремительно, оказываясь в нужную секунду в нужном месте. Ее заметил тренер, стали выставлять на районные детские соревнования. Сразу проявилось то, что отличало ее от других: она играла расчетливо, видела ситуацию на два удара вперед и нередко ставила в тупик тех, кто был явно сильнее ее.

Ее теннисная карьера оборвалась внезапно. Случайно она подслушала в раздевалке разговор двух других девочек, одну из которых она только что разгромила. Речь шла о ней, Нине. «Вот ненормальная, так выкладывается! – говорила побежденная. – Как будто кому-то нужен этот дурацкий кубок. Я, например, пришла в теннис не за этим». Они захихикали. Нина смутно догадывалась, зачем другие девочки играли в теннис. Вокруг них крутились мальчишки, теннис давал много возможностей для того, чтобы «кадриться» – как говорили мальчишки, да и девочки тоже. Та, которую она услышала в раздевалке, была хорошенькой, ее стройные ножки в

белой юбочке манили многих, и с ней «кадрились» не только сверстники, но и парни постарше. А с Ниной – никто и никогда. «Да что с нее взять, она же уродина. – услышала Нина. – Таким только кубки выигрывать. Кому она нужна? Ты видела ее коленки? Ужас!»

Они ушли, а Нина сидела в оцепенении, переваривая услышанное. Все правильно, она уродина. Она подошла к зеркалу, осмотрела свои колени. На тощих, непропорционально длинных ногах они выглядели какими-то чужими, огромными. Действительно, ужас. По дороге домой Нина забросила ракетку в первый попавшийся мусорный бак, а дома, ничего не объясняя, заявила, что в теннис больше играть не будет.

И не играла – лет десять. Но уже после окончания института, случайно оказавшись возле стадиона, услышала из-за зеленой изгороди стук мячей, голоса. Повинуясь внезапному желанию, зашла, взяла напрокат ракетку, постучала у стенки. С тех пор Нина приходила на корт регулярно, играла с незнакомыми людьми. Оказалось, что рука и тело не забыли уроков тенниса, полученных в школьные годы. Со времени детской угловатости ее фигура выправилась, и теперь никто не стал бы смеяться над ее коленями. То один, то другой мужчина пытался завести с ней знакомство, но, натолкнувшись на глухую стену, отходил в сторону. Однако в игру ее брали охотно, потому что играла она хорошо – серьезно, сосредоточенно, напористо. По-мужски.

Когда Нина окончила школу, в стране свирепствовала реформа. Отец говорил: «Нинок, честное слово, не знаю, что тебе посоветовать. В прежнее время я бы сказал: иди в науку, у тебя для этого все способности, только кому теперь нужна наука?»

Нина подала документы в финансовый институт, где был огромный конкурс, и поступила – без всякого блата или взятка.

Учеба давалась ей шутя. Ее проблемы лежали совсем в другой области. Дело в том, что у нее никого не было. Еще ни один представитель мужского пола не приглашал ее хотя бы погулять, не говоря уже о большем. А сверстницы тем временем вовсю крутили романы, выходили замуж, а особо передовые успели даже развестись. Мама, которая была в курсе ее проблем, успокаивала: «Не переживай, Нинуся, все у тебя будет. Не спеши, всему свое время». Нина не спешила, только вот ее время никак не наступало.

Она уже не была дурнушкой, как в школе, но в душе оставалась все тем же кузнечиком с некрасивыми коленками, и, видно, молодые люди это чувствовали и сторонились ее. К тому же она была умной, умнее всех этих незрелых кавалеров, а это никому не нравилось.

На четвертый год ее учебы в институте все в ее жизни изменилось. Умерла мама. Это был рак, запущенный, неоперабельный. Все кончилось за несколько месяцев. Родители оберегали Нину, скрывали от нее правду, мама запрещала

навещать ее в больнице до тех пор, пока не пришла пора прощаться. Увидев на больничной койке исхудавшую женщину с серым, изможденным лицом, Нина в первый момент не признала ее. Только глаза были прежние, мамины.

Мама взяла ее руку в свою – восковую, прозрачную, – и улыбнулась. Улыбка тоже была прежней. «Ну как ты, доченька?» Нина заплакала. «Не плачь, милая, – сказала мама. – Будь умницей, не плачь». Но у нее самой по щеке на подушку скатилась слеза. «Видишь, какая у тебя бестолковая мама – бросает тебя, а ты еще такая маленькая. Некому будет тебе помочь, подсказать, все надо будет самой... Прости меня, родная». Нина, зарыдав, прижалась к ее груди.

«Не плачь. – Мама слабыми руками отстранила ее. – Ну, уймись, послушай меня. Доченька, обещай мне две вещи. Обещай, что не оставишь папу. Ты нужна ему. Обещаешь?» Нина кивала сквозь слезы. «И еще. – Мама погладила ее по мокрой щеке. – Нинуся, роди мне внучку. Можно и внука, но лучше внучку. Постарайся, хорошо?»

Мама никогда не жаловалась на здоровье, и, когда ее не стало, Нина долго не могла это осознать. Казалось, вот она придет с занятий домой – и услышит, как мама, проверяя контрольные студентов, напевает из своего любимого Джо Дассена: «Et si tu n'existais pas, Dis-moi pourquoi j'existerais...» Но слышала она только кашель отца на кухне, где тот целыми днями сидел, курил и пил в одиночестве. Он тогда был без работы. Они не говорили о маме – что тут ска-

жешь? – но каждый чувствовал боль другого и мучился за двоих.

Так прошло с полгода. А потом она вышла замуж за Диму. Дима был самый невзрачный из пятерых ребят в ее группе – небольшого роста, прыщавый, тихий. Хорошего у него была только фамилия: Шувалов. Услышав ее на первом курсе, Нина, которая тогда зачитывалась русской историей, подумала: «Вот бы у меня была такая, графская!» Ее собственная фамилия звучала совсем не по-графски и просто смешно: Кисель. Нина ее стеснялась. Когда она спросила отца, откуда у них такая фамилия, тот сказал, что его прадед был из немцев и фамилия его была Кессель, а уж потом ее переделали писари. Было это правдой или нет, она не поняла; отец был человеком с юмором, мог и придумать.

Первые три года она Диму не замечала. Потом он стал подсаживаться за соседний стол в библиотеке. Они тогда писали курсовую, приходилось допоздна копаться в литературе. Когда Нина наконец обратила внимание на его рыжеватую голову, память подсказала ей, что по крайней мере в трех последних случаях он тоже сидел рядом. «Господи, неужели...» – подумала она. Мысль о том, что Дима может ею интересоваться, так поразила Нину, что она уставилась на него в упор, не мигая. Дима сидел, уткнувшись в свои книги, но густая краска залила его щеки, уши и даже шею. Умом Нина оставалась в изумлении, но женщина внутри нее проснулась и взяла ситуацию под контроль.

«Дима, – сказала женщина приветливо, – какая у тебя тема?»

Дима встрепенулся, ожил. Выпалив название своей темы, он спросил: «А у тебя?» Их темы оказались очень близки. Потом Нина узнала, что Дима сам организовал это совпадение, поменявшись темами с другим студентом, за что ему пришлось отдать почти новый плеер.

Установив родство их тем, Дима изобразил на своем красном лице радостное удивление, после чего опять замолк. Женщина в Нине немного расстроилась из-за его робости, но не собиралась бросать дело. «Расскажи, что ты успел написать», – предложила она.

Получив такой надежный спасательный круг, Дима вцепился в него и уже не выпустил. Он стал горячо и во всех подробностях излагать план своей курсовой. Нина слушала вполуха, разглядывая его и ощущая в груди нарастающее волнение. У нее был парень!

После этого они каждый день проводили много времени вместе – сидели в библиотеке, потом ехали на метро домой, благо жили в одном районе. Через месяц Дима пригласил ее в кино и там, когда погасили свет, взял ее руку в свою. Нина не отняла свою ладонь, и так, рука в руке, они просидели весь сеанс. О чем был фильм, она потом не могла вспомнить.

На следующий день Дима решил пригласить ее к себе домой под предлогом окончательного обсуждения курсовых, чего якобы нельзя было сделать в библиотеке. «Мамы не бу-

дет весь вечер, так что нам никто не помешает», – сообщил Дима. Нина понимала, что должно произойти, и была не против, хотя Дима был совсем не похож на того мужчину, которому она в мечтах собиралась отдать свою девственность.

Дима жил с матерью в маленькой двухкомнатной квартире в пятиэтажке. В их доме царили бедность и идеальный порядок, не похожий на тот несколько безалаберный быт, который создавала душевная и легкая Нинина мама, и тем более – на то запустение, которое установилось у них с отцом после маминой смерти.

Дима предложил ей чаю. «А может, хочешь вина? У меня есть», – сказал он, но тут же, испугавшись своей смелости, стушевался. Нина согласилась на чай.

Дима усадил ее в комнате на потертый дешевый диван и, посетившись, принес на подносе чайник, чашки и вазочку с конфетами. Было видно, что он готовился к свиданию.

Однако он явно не знал, как приступить к делу. Когда чай был выпит, он вдруг начал горячо обсуждать каких-то общих знакомых, потом рассказал длинный несмешной анекдот и сам нервно смеялся. После этого воцарилось долгое молчание. В конце концов, не вынеся его, Дима с несчастным видом полез в рюкзачок, достал курсовую и стал читать Нине какую-то главу.

Нина сидела молча, опустив глаза. Все ее существо было, как натянутая струна.

«Дима, сядь сюда», – сказала Нина, указывая рукой на ме-

сто рядом с собой. Дима пересел к ней, не расставаясь с курсовой. Руки у него заметно дрожали. Нина забрала у него курсовую, отложила ее и тихо сказала: «Обними меня». Дима неловко обнял и поцеловал ее – в щеку. Нина повернула голову, подставляя ему губы. Это был первый в ее жизни поцелуй.

Как потом выяснилось, у Димы она тоже была первой женщиной. Он действовал неловко, не знал, где у нее что расстегивается и как снимается. Но в конце концов, с ее помощью, он ее раздел. Лихорадочно застелил диван, разделся сам, потом, вспомнив, отбежал, включил музыку. Видимо, музыка входила в его план обязательным пунктом. «Свет», – попросила Нина. Дима убрал свет, остался полумрак, рассеиваемый невыключенной лампочкой в коридоре...

Это продолжалось не больше минуты. Нина ощутила боль, вскрикнула. Почти сразу после этого Дима отвалился от нее и, тяжело дыша, опустился на диван рядом.

Нина лежала на спине, в недоумении глядя в темный потолок. «Это все?» – не могла понять она.

Как бы в ответ на ее вопрос Дима встрепенулся и возобновил свои действия – на этот раз немного уверенней, не так лихорадочно.

Магнитофон выдавал что-то громкое. Кто знает, как бы все сложилось, если бы не эта роковая музыка. Из-за нее они не слышали, как открылась входная дверь, и очнулись только, когда зажегся свет. В комнате, в двух шагах от дивана,

стояла женщина в плаще, с сумкой в руке. Диминая мать.

Открыв рот, она смотрела на их голые тела на диване. Нина натянула на себя простыню, пролепетала: «Здравствуйте».

Женщина сделала глотательное движение, ответила: «Здравствуйте».

И тут Дима выпалил: «Мама, это моя невеста. Ее зовут Нина. Нина, познакомься: это моя мама, Татьяна Юрьевна». Женщина пришла в себя, молча вернулась в прихожую снять плащ, потом переместилась в кухню и крикнула им оттуда: «Идите пить чай!»

Одевшись, они полчаса провели на кухне с Татьяной Юрьевной. Нина, полуживая от стыда, сидела, молча уставившись в чашку. Татьяна Юрьевна держалась внешне спокойно, как ни в чем не бывало расспрашивала сына о его институтских делах.

Домой Нина ехала одна, категорически запретив Диме ее провожать. К счастью, в вагоне метро в этот поздний час было почти пусто, и никто не обращал внимания на странную девушку, которая то смеялась, то хмурилась без всяких видимых причин. Причины были – она стала женщиной. Кроме того, она стала невестой.

Через два месяца они поженились. Так вышло, что Нину никто толком не спросил, хочет ли она за Диму замуж. Да она и сама не знала. Не то чтобы сомневалась, взвешивала, чего больше – плюсов или минусов, – а просто тупо отдалась

течению событий. Женщина внутри нее, которая до того решительно шагнула навстречу робким Диминым ухаживаниям, на этот раз молчала.

Отец, познакомившись с Димой, был явно разочарован, но заставил себя быть приветливым, шутил, похлопывал Диму по плечу, наливал вина. Совсем не такого жениха он хотел бы для Нины, но что поделаться, ей решать. Преодолев неловкость, отец спросил, не ждут ли они с Димой ребенка. Нина правдиво ответила, что нет, но по лицу отца она видела, что у него остались сомнения. В его понимании, только такая причина могла заставить его умницу-дочь связать свою жизнь с этим бесцветным парнишкой.

А бесцветный парнишка был оживлен, хлопотал о регистрации и свадьбе. Он был счастлив – насколько могла быть счастливой его робкая душа. Свадьбу сыграли в студенческом кафе, куда набился весь их курс. Все было очень шумно и бестолково.

Замелькали дни их семейной жизни. По желанию Татьяны Юрьевны молодожены жили с ней; им была отведена большая из двух маленьких комнат – та самая, с диваном. Теперь Нина с Димой были неразлучны круглые сутки: утром ехали в институт, там сидели рядом на лекциях, возвращались, обедали, листали конспекты.

Татьяна Юрьевна была с невесткой ровна, вежлива, но на Нину каждую минуту веяло от нее арктическим холодом. Очевидно, и Татьяна Юрьевна желала своему единственно-

му сыну другой жены. Она никогда не упоминала о том кошмарном случае, когда она застала их на месте преступления, но, видимо, считала Нину какой-то распутницей и авантюристкой, затянувшей неопытного Димочку в свои сети. Впрочем, размышляя об этом, Нина признавалась себе, что это было недалеко от истины. Еще в поведении свекрови сквозило какое-то сомнение, как будто она не верила в этот брак и всякий день ожидала, что Нина куда-то исчезнет. И в этом Татьяна Юрьевна тоже оказалась права.

Нина привыкла к Диме, как привыкают к своему пальто или портфелю: он не вызывал у нее никаких эмоций, просто был всегда рядом. У них поневоле было все общее: знакомые, учебные заботы, даже учебники и тетрадки. Нина помогала не очень способному Диме готовиться к экзаменам, потом писать диплом; они уже обсуждали планы на жизнь после окончания института.

Татьяна Юрьевна работала в плановом отделе какого-то завода, где из-за спада в отрасли была занята только полдня. Все остальное время она посвящала своему небольшому домашнему хозяйству. Нину она трудиться не заставляла, но и не отталкивала. В конце концов у них установилось, что Нина каждый день по два часа под присмотром свекрови терла, скоблила, мыла и стирала. Ее собственная любящая и всепрощающая мама ее к такому не приготовила, и поначалу Нине приходилось тяжело, но потом она втянулось, ей даже понравилось.

Возможно, брак с Димой мог бы со временем окрепнуть, пустить корни, и была бы у них семья не хуже других, но имела в Нининой семейной жизни зона бедствия. Супружеское ложе. Дима с энтузиазмом исполнял свои обязанности мужа, но для Нины это было еженощным испытанием. Стоило Диме выключить свет и прикоснуться к ней, как у нее перед глазами вставала Татьяна Юрьевна – в плаще, с сумкой в руке. К тому же настоящая, а не призрачная Татьяна Юрьевна была тут же, за тонкой стенкой. Звукопроницаемость в квартирке была потрясающая, и Нине было слышно, как свекровь ворочается в кровати, садится, нашаривает шлепанцы и идет мимо их двери на кухню, чтобы принять желудочные таблетки. Это повторялось почти всякий раз в минуты их с Димой близости, и у Нины все внутри сжималось. Никакого наслаждения, о котором шушукались некоторые смелые подруги, она не испытывала. Были малоприятные, иногда болезненные ощущения, все возрастающее недоумение и досада.

К числу немногочисленных достоинств Димы относилась чистоплотность, к которой приучила его мать. Он каждый день принимал душ и менял белье, от его тонкой, почти прозрачной кожи всегда пахло земляничным мылом – любимым мылом Татьяны Юрьевны, которое она использовала во всех случаях. Нина возненавидела этот запах.

В конце концов это стало невыносимо. Нина не раз собиралась поговорить с Димой, но язык не поворачивался на-

чать разговор. К тому же Дима выглядел совершенно счастливым. Он явно считал себя хорошим мужем, в его тоне слышались нотки мужского самодовольства.

Однажды, покупая в каком-то ларьке шариковую ручку, Нина увидела брошюру о технике секса. «Мне еще вот это», – сторя от стыда, ткнула она пальцем в красноречивую обложку. Урывками, запираясь в туалете, она прочитала брошюру. Половину она не поняла, а другая половина ее потрясла; для нее открылся новый мир.

Нина не решалась показать брошюру Диме, пока не выдался такой день, когда он с простудой остался дома. Уходя на занятия, она тайком сунула брошюру под подушку в расчете, что Дима найдет и сам прочитает. Но нашла брошюру Татьяна Юрьевна. Когда Нина вернулась, свекровь встретила ее в дверях. «Я тут меняла белье и нашла вот это. Наверно, это твое», – протянула она Нине брошюру, тщательно завернутую в газету.

Это был конец, но Нина сделала еще одну попытку спасти положение. Она спросила у отца, не против ли он, если они с Димой переселятся к нему. Отец обрадовался, вызвался перевезти их вещи в тот же день. Но, заведя об этом разговор с Димой, Нина по его растерянному лицу сразу поняла, что ничего не выйдет. Дима все же обещал поговорить с Татьяной Юрьевной. У них состоялся разговор, при котором Нина не присутствовала; итогом было то, что Дима, пряча глаза, чужим голосом объявил Нине, что не может оставить мать.

В ту ночь между супругами впервые не было близости.

Оставаться с Димой не имело смысла, но по инерции Нина жила с ним еще месяц, до защиты дипломов. Защита у обоих прошла прекрасно. Получив красную корочку, Нина почувствовала какое-то освобождение – прежняя полоса в ее жизни закончилась, начиналась новая. Даже не попрощавшись с Димой, она поехала к отцу с твердым намерением больше не возвращаться в комнатку со злосчастливым потертым диваном.

Дима привез ее пожитки, уместившиеся в одном чемодане. Он был убит. Воздушный замок, который он построил и в котором был счастлив, рухнул. От отчаянья обретя красноречие, Дима упрашивал Нину не бросать его. Впрочем, он даже не заикнулся о том, чтобы переехать к ней; власть матери над ним была абсолютна, поступить ей наперекор он не мог даже ради своего счастья. «Извини, Дима, ничего не получится», – мягко, но решительно сказала Нина. «Но почему, почему?» – вопрошал Дима. Нина только качала головой. Она не хотела заводить с Димой разговор о своих сексуальных проблемах – она уже поняла, что бросила бы его все равно. Как она могла ему это объяснить? Как объяснить, зачем она вообще выходила за него? «Извини, Дима. Не переживай. Все у тебя будет хорошо», – сказала она, выставляя его за дверь.

Они развелись. На память о Диме Нине осталась графская фамилия, которую она не стала менять. А на память о Татья-

не Юрьевне осталась привычка к порядку, который Нина с тех пор наводила вокруг себя всюду, где бы ни оказалась.

Глава 3

Нина снова стала жить с отцом, и жизнь эта была безрадостной. За время ее замужества отец заметно изменился. Еще далеко не старый, около сорока пяти, он не находил постоянной работы, перебивался случайными заработками. И стал по-настоящему много пить. Он запустил себя, не брился, вид у него был нездоровый, постаревший; увидев эти перемены вблизи, Нина была поражена.

Отец всегда был человеком веселым, душой любой компании. Мама рассказывала, что когда-то он покорила ее своими туристическими песнями под гитару, – в молодости оба ходили в дальние турпоходы. Но гитара уже многие годы пылилась на антресоли, от многочисленных прежних друзей не осталось и следа, последних из них разметал вихрь реформ. Вокруг отца не было никого, а главное, рядом не было мамы. Нина была уверена, что мама не дала бы ему согнуться, с ней он остался бы прежним – работягой, весельчаком и философом-эпикурейцем.

Теперь эта обязанность – поддержать отца – лежала на Нине, и она остро переживала свою беспомощность. Она упрашивала отца не пить, ругалась с ним, пыталась затащить к каким-то врачам, но все без толку.

Однажды, в трезвую минуту, он сказал ей: «Нинок, брось ты это, не пытайся меня спасать. Ты думаешь, я не понимаю,

что спиваюсь? Я это делаю сознательно. А что мне остается, скажи? У меня в жизни больше ничего нет». «А я?» – с обидой воскликнула Нина. Она знала, что отец в ней души не чает, но, очевидно, этой любви было мало, чтобы наполнить его жизнь.

Нина устроилась в крупную инвестиционную фирму и окунулась в работу с головой. Она мечтала сделать быструю карьеру и тогда... Что будет тогда, она представляла смутно, но одно знала точно – она найдет возможность помочь отцу. Главное, ему нельзя было оставаться без дела. Нина мечтала, что изучит всю механику бизнеса вдоль и поперек, обзаведется связями и поможет отцу открыть собственную строительную компанию. Он же такой прекрасный специалист, золотая голова, у него все получится, нужно только начать! Порой в ее мечтах они вместе с отцом открывали свое дело и добивались огромных успехов. Нина сама понимала, что все это очень наивно, и была бы удивлена, если бы кто-то ей сказал, что довольно скоро отец действительно будет владеть собственным предприятием, и она, Нина, будет участвовать в его делах, а потом будет спасать его бизнес.

Встреча, которая изменила жизнь отца, произошла случайно, на улице. Отец был, к счастью, трезвым – как раз шел в винный магазин, – когда рядом у обочины притормозила машина. Из нее посигналили; оглянувшись, отец увидел, что ему машут из окна иномарки. Подойдя, он узнал своего бывшего заместителя по строительному тресту Симоняна. В

свое время они немало поработали вместе, притерлись друг к другу, и теперь оба были рады встрече. Симонян сказал, что по горло занят, но обязательно найдет время встретиться. Подобные обещания почти никогда не исполняются, но Симонян действительно скоро позвонил и зазвал к себе – посидеть, поговорить.

Симонян жил в новом доме элитной постройки. В огромной квартире был не доделан евроремонт, мебель почти отсутствовала. «Некогда заниматься этим, – посмеивался Симонян. – Да и к чему? Появится новая хозяйка, все равно все переделает по-своему». Он был после развода, бывшая жена, по его словам, была всем обеспечена, а дети учились за границей.

Во всей манере Симоняна, в каждом его слове сквозило довольство человека, добившегося успеха. Они с отцом Нины и прежде были на «ты», но теперь в обращении Симоняна, с первого взгляда оценившего плачевное положение бывшего начальника, звучали снисходительные нотки. Впрочем, он был по-настоящему радушен и с удовольствием вспоминал былое с Евгением Борисовичем.

Главное было сказано, когда они перебрали всех общих знакомых и, распив на двоих бутылку превосходного армянского коньяка, начали вторую. Симонян предложил отцу работу. В отличие от отца, он после развала их строительного треста не потерялся, а приспособился к новым условиям и затеял одно за другим несколько предприятий. Начал он

с того, что на одном из обломков треста создал маленькую компанию, специализировавшуюся на инженерных сооружениях для городских нужд. Симонян дневал и ночевал в коридорах городской власти, обхаживал нужных людей, и в конце концов ему удалось вписать свою компанию в городской заказ, что обеспечило ей хороший старт. Фирма поднялась, стала приносить доход. Еще больше поднялся, развернулся сам Симонян. Теперь он выходил на дела совсем иного масштаба – что-то, связанное с нефтью, цветными металлами или еще чем-то, очень темным и баснословно прибыльным. Симоняну нужно было оставить на надежного человека свою первую компанию, и тут ему как нельзя кстати подвернулся Нинин отец.

Отец становился наемным работником Симоняна, но тот заверил, что по сути дела они партнеры, а в перспективе сам он собирается выйти из этого бизнеса, отец сможет его выкупить и хозяйничать один. Это невероятное обещание тоже в конце концов оказалось выполненным – видно, Симоняну была судьба не обмануть Евгения Борисовича.

Изголодавшийся по настоящему делу, отец окунулся в работу с головой. По своим масштабам компания Симоняна была раз в десять меньше их бывшего треста, отцу в ней было тесно и он со страстью вникал в каждую мелочь. Многого можно было улучшить, оптимизировать – и в инженерном смысле, и в смысле организации. Симонян действительно предоставил ему свободу рук. Сам он витал в своих новых

сферах, в компании появлялся изредка, выслушивал предложения отца и на все соглашался, прекрасно понимая, что отец как специалист даст ему сто очков вперед. Свою волю Симонян проявлял только, когда дело касалось финансов.

Новая работа преобразила отца – он помолодел, расправил плечи. К тому же Симонян не был скуп и положил ему приличную зарплату. У отца впервые в жизни появились импортная машина, набор хороших костюмов и всякие дорогие мелочи вроде швейцарских часов и золотых зажигалок. Он снова стал выглядеть мужчиной – более того, видным мужчиной, что называется, «орлом». Нине даже было обидно за маму – за то, что этот новый расцвет отца достался не ей. И скоро для этой обиды появилась настоящая причина.

Причину звали Лидия Григорьевна, она была немолодой, но очень ухоженной и эффектной женщиной. Она работала в какой-то городской структуре, отец познакомился с ней, улаживая очередной проект. Нина не почувствовала, когда у отца появилась женщина и ничего не подозревала до того самого дня, когда он познакомил их в каком-то кафе. «Вот, Нинок, понимаешь... В общем, мы с Лидией Григорьевной собираемся жить вместе. Ты как?..»

У Нины в душе все клокотало. Ей хотелось выплеснуть налитое отцом шампанское в ухоженное лицо этой стервы. Да как она смела? Занять место мамы!.. Но не зря родители гордились умом Нины. Ум говорил свое: отец не может быть один, если не эта женщина, то другая, какая разница?

Лидия Григорьевна улыбалась ей заискивающе. Она уже поняла, что Нина очень много значит для отца и может разрушить все ее планы. «Лишь бы ты был счастлив», – сказала Нина отцу, поднимая бокал с шампанским. Отец благодарно сжал ее руку и поцеловал в щеку.

Лидия Григорьевна поселилась в их квартире. Она была бездетная вдова, одна после смерти мужа, и могла посвятить всю себя своему новому браку. Ей хватило ума не производить поначалу никаких радикальных изменений в квартире, но в жизни отца она заняла каждую свободную минуту. С ней отец, прежде иронически относившийся к искусству театра, стал каждую неделю ходить на театральные премьеры. У них появились общие знакомые, с которыми они обменивались визитами. Лидия Григорьевна любила готовить и то и дело заставляла отца дегустировать и нахваливать новое блюдо.

Вообще-то она оказалась неплохой женщиной, и Нина вынуждена была признать, что для отца она была подходящей парой, но Нине жить с ней под одной крыше было невозможно. Нину раздражало все: ее голос, запахи ее кремов в бесчисленных баночках, которыми она устала полки в ванной, ее кулинарные изыски... Одно то, что чужая женщина спала в маминой комнате, хозяйничала на маминой кухне, выводила Нину из себя. Она и не пыталась поладить с Лидией Григорьевной несмотря на большое желание со стороны новой жены отца. Скоро встал вопрос о разъезде. По общему согласию они продали квартиру и купили две других. Нина

поселилась в однушке на окраине.

Ей было тяжело прощаться с родными стенами, в которых прошла почти вся ее жизнь. У нее было ощущение, что в прежней квартире, несмотря на появление новой хозяйки, мама все еще присутствовала, а теперь они лишили ее дома, и мама по-настоящему покинула их, оставшись только в фотографиях и воспоминаниях.

Правда, была еще дача, с которой у них тоже было многое связано. Дача представляла собой дощатый садовый домик с шестью сотками песчанистой земли в ста километрах от города. Участок отцу дали от работы в давние годы, когда он еще не был начальником, и все здесь было сделано их с мамой руками. Нину привозили сюда каждое лето все ее школьные годы. Лидия Григорьевна к дачной жизни вкуса не имела, и как-то в сентябре отец с Ниной выезжали туда для того, чтобы что-то подлатать, разобрать вещи, а на самом деле – чтобы побыть вдвоем. На соседних участках жгли листву, стоял сладковато-горький дым, и все было, как в старые времена – только не было мамы. На обратном пути отец завел разговор о том, чтобы продать дачу. Нина промолчала, и больше отец эту тему не поднимал.

На пару лет все как-то установилось, наладилось. Отец много работал, его компания расширялась. Когда Нина бывала у него дома, он, выпив рюмку-другую, с увлечением рассказывал о своих планах. Он выглядел молодым и счаст-

ливым. Лидия Григорьевна этим встречам не препятствовала, но всегда присутствовала при их разговорах и не упускала случая словом или жестом напомнить, что в этом доме хозяйка – она, и мужчина этот принадлежит ей. Нина ее не любила, как и прежде, но где-то в глубине души приняла и смирилась с тем, что единственного близкого человека ей приходится с кем-то делить.

На работе у нее все шло хорошо. Она быстро выделилась из группы молодых выпускников финансовых вузов, которых набрали вместе с ней, когда компания расширялась. Сначала их всех загрузили рутинными, вспомогательными операциями, определив в помощники к опытным аналитикам. Сверстники Нины жаловались на нагрузку, на то, что им не дают проявить себя. Все они были честолюбивы, мнили из себя финансовых гениев. Нина тоже была честолюбива, но не жаловалась, а с азартом перелопачивала горы стандартных расчетов, доводя свои навыки до совершенства, овладевая компьютерными программами, а по вечерам штудировала специальную финансовую литературу. Особенно ее интересовали финансы строительной отрасли. Не прошло и года, как Нину заметили, стали поручать самостоятельную работу.

После развода с Димой у Нины долгое время никого не было. Дима не пробудил в ней интереса к физической стороне любви; мысль о близости с мужчиной не вызывала у нее отвращения, но и не волновала. В ее узком мирке не было места ни для чего, кроме работы. Она не считала, что чем-

то обделена, ее не интересовало мнение подруг, с которыми она встречалась два-три раза в год на чьих-нибудь днях рождения. И все же... Как-то раз, идя вечером через сквер к своему дому, она увидела целующуюся пару. Казалось бы, ну что такого, но у Нины в груди разлилась горячая волна. Ускорив шаг, она поднялась к себе в квартиру, приняла душ, поужинала, села за финансовые обзоры. Но цифры и графики не лезли в голову, перед глазами маячили две переплетенные фигуры в вечернем полумраке. Прошло не меньше часа, прежде чем она смогла вникнуть в то, что читала. С тех пор она везде – в метро, на улице, в скверах – старательно отворачивалась от парочек, хотя бы невинно держащихся за руку.

Однажды ей позвонили по ошибке. Было уже поздно, она лежала в постели, готовилась ко сну, расслабляя тело и мозг по особой методике, которую вычитала в книжке. Нужно было по очереди поговорить с каждым своим органом, поблагодарить за работу и пожелать спокойной ночи. Нина дошла до сердца, когда зазвонил телефон; недоумевая, она взяла трубку. Глубокий мужской баритон сказал: «Ниночка, лапа, ты?.. Ну, наконец-то. Котенок, как ты, милый?» Почему-то Нина не сразу поняла, что это ошиблись номером, а потом ей не сразу удалось объяснить это мужчине. Он говорил: «Ну, не разыгрывай меня, кисуля. Ты что, сердишься?.. Не сердись, лапа. Я люблю своего котенка». Повесив трубку, Нина фыркнула: «котенок», «кисуля», какая пошлость! Что за

женщина позволяет себя так называть? Но после этого она долго не могла уснуть, хотя и побеседовала по три раза со всеми своими органами. В первом часу ночи она призналась себе, что ей самой хочется, чтобы кто-то, хотя бы и не таким красивым баритоном, называл ее «котенком».

Потом появился Игорь. Он был старше ее лет на десять, работал в той же компании, заведовал сектором. По работе Нина с ним не сталкивалась и была едва знакома. Сошлись они внезапно, на корпоративной вечеринке. Отмечался десятилетний юбилей компании. Нина оказалась рядом с Игорем за столом. Он ухаживал за ней, непрестанно шутил, много пил. Нина тоже выпила, непривычно для себя много. Они танцевали, участвовали в каких-то конкурсах, играх. Потом опять пили. Кончилось тем, что Игорь оказался у Нины в квартире. Оба едва держались на ногах, ни о каком сексе не было и речи. Нина положила Игоря на раскладушку на кухне, а сама рухнула в постель, даже не переодевшись в ночнушку.

Утром она проснулась оттого, что кто-то на кухне гремел чайником. У Нины трещала голова. Она вспомнила, что у нее в доме мужчина, что зовут его Игорь, и что она сама его привела, но решительно не помнила, зачем она это сделала. Страдая от головной боли и подозревая себя в помешательстве, Нина побрела на кухню. Игорь тоже был несчастен, он выпил раза в три больше нее и был в жестоком похмелье. Они сварили крепчайший кофе и стали пить его, закусывая таблетками аспирина.

Нина спросила, не нужно ли Игорю позвонить домой, ведь там, наверно, беспокоятся, но Игорь отмахнулся. Морщась и хлебая обжигающий кофе, он поведал Нине о своем положении. Он был женат, у них с женой был сын, но вот уже несколько месяцев они жили врозь. «Чертова баба. Ну, чего ей надо? – говорил Игорь про жену. – А тут еще теща... В общем, съели они меня». Игорь обрелся в квартире какого-то приятеля, который уехал за границу. «Так что никто меня не хватится», – с кривой усмешкой подытожил он.

Нина разглядывала его. Он был довольно ладный, хотя и с наметившимся животом. На лицо не красавец, а теперь, с похмелья, так, скорее, страшила. Но Нина поняла, почему привезла его к себе – как и накануне, на вечеринке, она почему-то чувствовала себя уютно и легко с этим мужчиной, как будто они были давно знакомы.

Когда кофе был допит, Нина его проводила, и они даже не поцеловались на прощанье, но в субботу на той же неделе он приехал к ней, и они стали любовниками.

Потом Нина спрашивала себя, любила ли она Игоря. Ей, собственно, не с чем было сравнивать: Дима был не в счет, а в любовь, которую изображают в романах и кинофильмах, она не верила. Игорь приезжал к ней в выходные, оставался ночевать. Она привыкла к этим посещениям, ждала их. Сама Нина обычно питалась готовыми блюдами из микроволновки, но для Игоря она готовила, а потом, подперев щеки

ладонями, смотрела, как он ест. Заварив чай так, как нравилось ему, и наполнив специально купленную для него большую чашку, она слушала его рассказы. Игорь был отличный рассказчик, помнил множество забавных случаев, прекрасно изображал коллег по работе, начальство, клиентов. Не всегда эти рассказы были пустыми анекдотами, в них было много поучительного – Нина узнавала закулисную сторону бизнеса, то, о чем не пишут в книгах и статьях.

В компании они скрывали свои отношения, – так хотел Игорь, да и она тоже. Обычно такие вещи быстро становятся всем известны, но чаще всего потому, что женщина, заведя связь с сослуживцем, сама все по секрету выбалтывает как-ким-нибудь подругам. Нина ни с кем о своей личной жизни не откровенничала, да и подруг в компании у нее не было, поэтому их с Игорем сближение оставалось тайной.

Сталкиваясь изредка в коридорах компании, они только улыбались и кивали друг другу, а общались по электронной почте, используя шуточные кодовые имена. «Юстас – Алексу, – писал Игорь. – Завтра приеду, ОК? Хочется женской ласки и домашних котлет. Ты лучшая. Я тебя Ц». «Алекс – Юстасу, – отвечала Нина. – Котлеты будут, приезжай. Не ходи без шапки, ты все время хлюпаешь носом. Ц».

Игорь был опытный мужчина, ему не нужно было подсовывать просветительские книжки про секс. В постели он применял богатый арсенал приемов, и Нина позволяла ему делать всё, но на самом деле ей больше нравилось то, что

предшествовало постели: первые объятия, ласки, когда они еще были одеты, а он еще был ее добрым другом Игорем, а не техничным самцом. Еще ей нравилось засыпать рядом с ним, когда, совершив все свои подвиги, он опять становился человеком. «Спокойной ночи, малыш», – говорил он, целуя ее. «Все-таки «малыш» лучше, чем «котенок»», – улыбалась она про себя, вдыхая его уютный, ставший родным запах.

Однажды она договорилась встретиться с отцом после работы: отец уже принимал ее всерьез как специалиста и хотел посоветоваться по поводу одной банковской ссуды. Он ждал ее в машине у дверей офиса. Когда Нина вышла к нему, здесь же случайно оказался Игорь. Смутившись, Нина представила мужчин друг другу, а когда те пожимали руки, была поражена тем, как они похожи: одного роста, одной масти, схожий тембр голоса, одинаково лысеют, одинаково улыбаются.

Будучи девушкой образованной, Нина знала об учении Фрейда и с ужасом подумала: неужели это правда, и я, испытывая подсознательное влечение к отцу, нашла ему замену в лице Игоря? Она с негодованием отвергла эту мысль, но забыть этого не смогла. Как-то они с Игорем после трудного дня сидели у нее, пили чай. В углу работал телевизор с выключенным звуком. Показывали какого-то барда с гитарой. «Дай-ка звук, хочу послушать, – попросил Игорь. – Я, знаешь ли, тоже в юности любил петь, даже свои песни сочинял. Хочешь, как-нибудь принесу гитару, спою тебе?» «Нет!» – воскликнула Нина, напуганная тем, что и в этом Игорь по-

хож на отца. Игорь был удивлен и заметно обиделся.

От этих фрейдистских опасений Нине стало труднее заниматься с ним любовью. К ней вернулся тот внутренний зажим, который владел ею в браке с Димой: ложась с Игорем в постель, она невольно вспоминала отца, и оттого, что она гнала от себя эти мысли, было только хуже. Видимо, почувствовав что-то, Игорь сократил свою мужскую программу и больше не старался распалить ее своими приемами. Они допоздна сидели на кухне, болтали, а потом, после короткого секса, засыпали. Нину это устраивало.

Глава 4

Так прошел год. Они никогда не обсуждали своих отношений, не строили планов на будущее, но Нине понемногу стало казаться, что Игорь у нее был всегда, и всегда будет, как же иначе. Кроме выходных, он стал приезжать на неделю. Ему не хватало домашнего уюта, а ей нравилось, когда он был рядом, нравилось стирать и гладить для него, делать ему массаж от начинающегося остеохондроза, лечить его простуды. Постепенно в ее квартире оседали его вещи: зубная щетка, бритва, шлепанцы, халат, книги. Потом Игорь, который каждое утро бегал, пытаясь сбросить вес, завез к Нине кроссовки и тренировочный костюм, чтобы не отступать от своего правила и тогда, когда ночевал у нее.

Стараясь представить себе свою дальнейшую жизнь с Игорем, Нина прислушивалась к женщине в себе. Женщина молчала, но молчала скорее одобрительно – не возражала.

Все кончилось ровно в годовщину их отношений. Нина решила отметить эту дату: испекла пирог, накрыла стол со свечами. У нее был умысел, она решила сделать Игорю предложение. Предложение состояло в том, чтобы, продав ее квартиру, сообща купить квартиру побольше, поближе к работе, и поселиться там вместе. Нина была уверена, что Игорь согласится, не видела, какие могут быть возражения против такого разумного плана. Она не настаивала на замужестве.

По словам Игоря, он не встречался с женой – та не пускала его в дом, даже для того, чтобы увидеться с сыном, но они не были разведены, – и Нина не хотела ничего форсировать. Со временем все устроится, не сомневалась она.

Выслушав ее, Игорь помолчал, потом заговорил напряженно, глядя в пол: «Ну что ж, все к одному, так даже лучше... Видишь ли, я тоже хотел с тобой поговорить».

Нина слушала его, не понимая. До нее не сразу дошло, что Игорь, к которому она так привыкла, собирается ее бросить и объявляет ей об этом. «Но почему?!» – воскликнула она. Из его путаных объяснений она поняла, что все это время он все-таки виделся с женой. Сказал, что ради сына. Теперь сыну предстояло идти в школу, и Игорь хотел при этом присутствовать, хотел, чтобы у мальчика был отец.

Нина молчала. Умом она понимала, что все справедливо, что она не имеет на Игоря никаких прав, и надо расстаться по-хорошему, но была будто парализована. До этого ее никто в жизни не бросал, и она не знала, как это больно.

Собрав вещи, почти уже в дверях, Игорь сказал кое-что еще. «Прости, но я не думаю, что для тебя это так уж важно. Ты ведь в постели ничего не чувствуешь, верно?.. Я же не дурак, я вижу. Я не говорю, что ты холодная, но, может, тебе нужен кто-то другой, не знаю...» Нина гневно распахнула дверь: «Уходи!» И он ушел.

В ту ночь Нина не сомкнула глаз, переживала предательство Игоря и свое унижение. Разум некоторое время уве-

щевал ее, объясняя, что Игорь ей ничего не обещал, а значит, и не предавал, и что ничего особенно унижительного для нее во всей этой истории нет, но скоро разуму пришлось заткнуться, верх взяла обиженная, уязвленная женщина. Вместе с миллиардами женщин планеты она вынесла приговор мужикам, которые все сволочи, и прокляла незнакомую ей чертову бабу, которая, при всех своих недостатках, сумела вернуть мужа. Уж она-то, небось, не холодная, наверно, вытворяет в постели черт-те что, а мужикам только это и подавай. Нина, никогда в жизни не ругавшаяся, посылала в ее адрес гнусные проклятия.

На следующий день Нина позвонила в компанию и сказала больной, а потом и вовсе выпросила двухнедельный отпуск. Она не представляла, как будет встречаться на работе с Игорем.

Зарабатывала она для молодой сотрудницы неплохо, а тратила очень мало, поэтому у нее были сбережения, и она решила устроить себе грандиозные каникулы. Никогда раньше не бывавшая за границей, она поехала туда, куда едут все соотечественники, которым удастся немного поправить свои дела, – в Турцию.

В Турции она в первый же день жестоко обгорела на солнце. Хлопоты о путевке и билете, сборы в дорогу пошли на пользу – Нина отвлеклась от своих переживаний брошенной женщины и, прибыв на курорт, жадно впитывала новые впе-

чатления. Гостиница была большая – считалась, что четырехзвездная. Наполовину ее заполняли отдыхающие из России, на другую половину – европейцы, в основном, немцы.

Забросив чемодан в номер, Нина побежала на пляж. Пляж был оккупирован соотечественниками, немцы же природой брезговали, проводили время цивилизованно, у бассейна при гостинице. Вода в море была так себе – слишком соленая и непрозрачная, хуже черноморской, но Нина с удовольствием поплавала, а потом растянулась на лежаке. Она чувствовала себя свободной, самостоятельной женщиной. Вокруг мельтешила пляжная жизнь – голые тела, крики и смех, игра в волейбол, возня детей.

Нина познакомилась с семьей из Новокузнецка. У главы семьи был свой бизнес – мастерская по изготовлению чугунных оград для особняков. В Турции семейство было уже второй раз, а на следующий год планировало ехать в Италию. Видно, ограды для особняков пользовались спросом. Глядя, как Нина жарится на солнце, новые знакомые предложили ей защитный крем, но Нина отмахнулась: «Глупости! Ничего со мной не будет». Солнце не казалось сильным, небо было затянуто дымкой, с моря дул ветерок.

Нина еще пару раз ходила плавать, опять валялась на лежаке, а, вернувшись в номер, удивилась: она провела на пляже добрых четыре часа. И начался ад. Кожа с ног до головы покраснела, как помидор, местами выступили волдыри, все болело нестерпимо. Нина вспомнила, что, вроде бы, помога-

ет одеколон, и что у нее в чемодане есть пузырек. Достала, вылила на себя. Легче не стало, зато теперь от нее воняло парикмахерской. Чувствительная к запахам, Нина страдала вдвойне.

Было еще одно народное средство – моча. Нина не сразу решилась, но в конце концов поплелась в туалет. Народное средство помогло мало, но теперь к воню одеколону прибавился еще запах мочи. Это уже было чересчур. Нина прыгнула под душ, все смыла; потом, не вытираясь, завернулась в простыню и со стоном опустилась на постель.

У нее был жар, ее лихорадило. Под вечер ей удалось ненадолго забыться, но скоро она очнулась. За окном было темно. Она слышала, как расходятся по номерам последние посетители бара, который находился на ее этаже. Все укладывались спать, а ей предстояла бессонная ночь. «Идиотка, – ругала она себя. – Поделом тебе. Таких идиотов черти поджаривают в аду, и правильно делают».

Ей вспомнилось, как родители возили ее в Анапу и она, еще маленькая девочка, немного обгорела с непривычки. Чем тогда лечила ее мама? Память подсказала: сметаной. Мысль о прохладной густой сметане, которой можно обмазать всю себя, была прекрасна. Но где ее тут возьмешь, сметану? В отчаянье, без всякой надежды, Нина отправилась на поиски.

В халате и шлепанцах она добрела до бара. Двери бара были закрыты, внутри было темно. Нина постучала, подождала,

опять постучала. Наконец появился толстый бармен-турок. Он показал на часы: дескать, закрыто. Нина умоляла: «Пожалуйста, please. На минутку». Наконец бармен с недовольным видом открыл. Но как объяснить ему, что нужна сметана? По-русски турок не говорил, а Нина не знала, как будет «сметана» по-английски, и есть ли вообще в английском такое слово – может, англичане сметаны не едят. Напрягая свой скудный запас английских слов, Нина составила примерно такую фразу: «Пожалуйста, дайте белое – класть в салат». Бармен хмурился непонимающе, потом улыбнулся, закивал. Сходив на кухню, он вернулся с баночкой, в которой было что-то светлое. Обрадованная, Нина сунула ему пять долларов и побежала к себе.

Баночка была ледяная, из холодильника, нужно было втереть все поскорей. Забежав в номер, Нина скинула халат и, зачерпнув из банки, щедро намазала свои воспаленные плечи и загривок. В первые десять секунд и впрямь было ощущение приятной прохлады, а потом стало жечь вдвое, в десять раз больше! Будто по плечам прошлись раскаленным утюгом. Нина понюхала содержимое банки, потом попробовала на вкус. Это был майонез – очень острый, на горчице. Нина заплакала. Несчастнее ее никого на свете не было.

Несколько дней она просидела в четырех стенах, медленно приходя в себя. Еду она заказывала в номер, но есть не хотелось, и содержимое подноса часто оставалось нетронутым. Пару книжек, взятых в дорогу, она давно прочитала, местное

телевидение смотреть было невозможно, а вид из окна надоел. Нина валялась на постели с наушниками на голове, раз за разом прокручивая курс разговорного английского. Как сказать по-английски «сметана», она так и не узнала, но потом сообразила, что нужно было просто попросить йогурта.

Купив у того же бармена большую коробку йогурта, она, стоя перед зеркалом, обмазала себя с ног до головы. Зрелище было жуткое. «Новое блюдо: жареная идиотка в йогурте», – сказала она вслух и показала своему отражению язык. Но йогурт действительно помогал.

Постепенно боль стихала, шкура стала слезать лохмотьями, а под ними открывалась новая кожа – тонкая, блестящая, уже тронутая загаром.

На шестой день Нина вышла из номера. Ожоги в разных местах еще побаливали, но жить было можно. О пляже не могло быть и речи. Вместо этого Нина ударилась в экскурсии. Раньше она не представляла, что земля, которая теперь называется «Турция», была когда-то частью античного мира – с греческими городами, театрами, банями, аренами для спортивных состязаний. И этот древний мир, обломки которого тут и там выступали из-под земли, был гораздо интереснее того, что на этой земле было теперь. Нина, любившая историю, накупила справочников и в следующие пять дней объехала все, что было в пределах досягаемости.

По совету новокузнецких знакомых она еще поехала в один фольклорный ресторанчик. Заведение находилось в по-

лучасе езды от гостиницы, на холмах, в пустынной местности. Ресторанчик был отделан в восточном стиле, подавали там местные блюда, но главным было представление группы артистов в народных костюмах, которые пели и плясали, а потом вовлекали в свои пляски посетителей – русских и немцев.

Зажигательные ритмы и гортанные звуки песен подействовали на Нину. В конце концов, отпуск удался, думала она, хлопая в ладоши. Будет, что вспомнить. Молодой уса-тый турок в шароварах с широким поясом вытащил ее на се-редину круга, и Нина неловко, но весело подражала местно-му танцу. Потом пила крепчайший кофе, пробовала восточ-ные сладости, вдыхала аромат кальянов. Все было прекрас-но.

Вечер закончился за полночь. Нина вышла в бархатную южную ночь. У ресторанчика образовалась маленькая толпа – это немцы давились, стараясь занять места в последнем де-шевом маршрутном автобусе. Нина в толпу не полезла, по-шла к остановке такси. Около нее оказался молодой парень. Он улыбнулся ей: «Здорово вы плясали». Потом предложил: «Возьмем такси на двоих? Вы в какой гостинице?» Выясни-лось, что их гостиницы рядом, и они поехали в одной маши-не.

Парня звали Олег. В темноте Нина его плохо разглядела, но, кажется, он был недурен собой – стройный, светловоло-сый, улыбчивый. Он о чем-то болтал с Ниной, она невпопад

отвечала, глядя, как огни фар выхватывают проплывающие мимо деревья и редкие постройки. В открытое окно машины лился коктейль местных запахов; за деревьями темным провалом виднелась прибрежная полоса, а за ней угадывалось море с блестками волн, над которыми висела огромная желтая луна.

Было уже поздно, но о сне не хотелось и думать. В ее голове и теле стучали ритмы турецких плясок, она всей грудью вдыхала ароматы ночи и была почти счастлива.

«Хочешь, пойдем, искупаемся?» – предложил Олег. Нина и не заметила, как они доехали. Расплатившись, они вылезли из такси; машина скрылась, а они остались на узкой дороге под темными платанами. В одной стороне была ее гостиница, в другой – его; вбок и вниз отходила гравийная дорожка к морю. Олег взял ее за руку, полюбнял за плечи. «Смотри, какая ночь. Вода сейчас как парное молоко. Пойдем, окунемся», – сказал он, с улыбкой заглядывая ей в глаза. Возвращаться в опостылевший номер ей в самом деле не хотелось, а хотелось шалить, хулиганить. «У меня с собой нет купальника», – сказала она со смехом, сама не веря, что это она говорит – что все это происходит с ней. «А у меня нет плавок», – с таким же смехом ответил Олег.

Они действительно окунулись – на минуту. А потом долго занимались любовью на оставленном кем-то лежаке. Над головой было черное, южное, усыпанное звездами небо. Планки лежака врезались в ее едва зажившую спину, море плеска-

лось в двух шагах, и в ритм с прибоем в нее входил мужчина, которого она знала всего полчаса. «Сумасшедшая, развратница», – сказал ей голос совести, но этот голос быстро умолк. Что могла противопоставить совесть южной ночи, морю и дикой, без всяких стеснений, любви на лежаке?

Нине было хорошо. Сначала было просто приятно – все вместе: и вид звездного неба, и теплый ветерок, и объятия мужчины, кожа которого была соленой от морской воды. Голова ее была пуста, она отдалась ритму, который ее новый любовник создавал на пару с прибоем. Потом ей стало не просто приятно – внизу живота, в бедрах и ягодицах возникло какое-то новое ощущение. Сначала слабое, оно стало быстро нарастать. Все ее тело напряглось в предвкушении чего-то небывалого, что должно было произойти в следующую секунду...

Но в следующую секунду Олег со стоном сделал последнее резкое движение и, отпустив ее, пристроился рядом на узкий лежак. Нине было мало, поднявшаяся в ней волна ощущений не хотела спадать. Она ждала продолжения, но мужчина, вскользь поцеловав ее, закурил сигарету и сказал: «Ну, что, идем баиньки?»

Олег проводил ее до ее гостиницы. Он предложил встретиться следующим вечером, сходить куда-нибудь, потанцевать. «А потом – на пляж», – с улыбкой подумала сумасшедшая развратница Нина. Олег еще раз поцеловал ее и исчез в темноте. Проводив глазами красный уголек его сигареты,

Нина поднялась к себе. «Как бы узнать его завтра», – думала она, хихикая, когда принимала душ.

Назавтра она проснулась в прекрасном настроении. Все ее тело было как на пружинах, хотелось двигаться, плясать. После завтрака она сходила на пляж, искупалась. Увидев новокузнецких знакомых, весело поздоровалась, сказала, что отлично провела время в ресторанчике на холмах. «Вы прекрасно выглядите. Что с вами случилось?» – простодушно спросил производитель чугунных оград. «Ничего. Просто отдохнула», – рассмеялась Нина и попрощалась с семейством. Отходя, она видела, как супруга чугунного бизнесмена что-то с усмешкой объясняет ему, кивая в сторону Нины.

Нужно было как-то убить время до вечера, и Нина поехала в соседний городок, который славился своим базаром. Кстати, пора было подобрать сувениры для отца и... – и для его Лидии Григорьевны, будь она неладна. Базар был хорош – не базар, а целый город, с бесчисленными секциями-лавочками и немислимым лабиринтом проходов между ними. Здесь стояла какофония звуков и невероятная смесь запахов – кофе, неведомых фруктов, сладостей и специй, кож, крашенных тканей и горящих печей, где что-то готовилось или раскалялся металл для чеканки, которую мастера творили тут же, на глазах. Русских туристов здесь любили (легко тратят деньги), сразу узнавали, зазывали к себе. В первые пять минут, поддавшись напору смуглых торговцев, которые встречали ее, как близкую родственницу после долгой разлуки, Нина ку-

пила какую-то шаль немыслимой расцветки и монисто, сделавшее бы честь любой цыганке. Потом, сообразив, что все это ей совершенно не нужно – дома носить это будет невозможно, – она спрятала кошелек подальше и потом уже только приглядывалась, твердо решив обойти весь базар. В конце концов она купила красивую вышитую феску для отца и вполне безвкусную брошь для Лидии Григорьевны, да кое-какие мелочи для институтских подруг.

Вернувшись в гостиницу и пообедав, она прилегла отдохнуть, чтобы набраться сил для вечернего прожигания жизни. Вместо ужина она ограничилась чашкой кофе и, с трудом дождавшись назначенного времени, вышла к месту встречи у входа в гостиницу – с шалью на плечах и звякающим монистом на шее.

Через полчаса ее веселое, проказливое настроение сменилось недоумением, потом досадой: ее любовник не показывался. Подумав, что, может быть, они не поняли друг друга, и Олег ждет ее на дороге, она побежала на то место, где накануне они высадились из такси. Олега не было. Какая-то другая парочка целовалась под платаном; при виде Нины они засмеялись и, держась за руки, скользнули по дорожке к морю. Выждав еще четверть часа, Нина побрела к себе.

Все обиды и огорчения последнего времени опять навалились на нее. «Что же это со мной? Почему меня бросают? Что я, хуже всех?» – думала она, со слезами на глазах разрывая в клочья ни в чем не повинную шаль.

Она заснула под утро, потом встала разбитая. Ничего не хотелось. Был последний день ее тура, на следующее утро у нее был билет на самолет домой. Это дало ей занятие – собирать чемодан; при желании с этим можно было провозиться целый день.

Однако после ужина она сказала себе: «Черта с два, у меня есть еще вечер». Надев самую короткую юбку, блузку, которая заканчивалась выше пупка, и свое роскошное монисто, она вышла на променад под фонарями, где днем гуляли семейные пары с детьми, а вечером курсировали одиночки, мужчины и женщины, в поисках своего кусочка личного счастья.

Это было унизительно, противно – вышагивать, изображая любовь к прогулкам на природе, в ожидании, что какой-то представитель мужского пола подойдет, заговорит. Мимо шли такие же любительницы прогулок, бросавшие друг на друга неласковые взгляды. Быть одной из них для Нины было невыносимо, и только спортивная злость заставила ее пройти весь променад три раза из конца в конец.

Она уже была готова сдаться, когда с ней заговорил какой-то парень. Невысокого роста, чернявый, вертлявый, он ей совсем не понравился, но выбирать не приходилось. Парень назвался Жорой; судя по выговору, он был откуда-то с юга: из Ростова или с Украины.

Они поболтали о том о сем, без большого энтузиазма. Жора оживился, когда услышал, что Нине на другой день уез-

жать. «Это надо отметить, отметить!» – настаивал он радостно. Он не мог пригласить ее в свой номер – у него был сосед, – так что оставалось ей пригласить его к себе. Ей эта мысль не нравилась – ей вообще уже ничего не хотелось, – но нужно было доводить начатое до конца.

По пути Жора прихватил в баре бутылку самого дешевого вина. В номере они разлили вино в толстые гостиничные стаканы, выпили. Говорить было не о чем, и Нине хотелось поскорее со всем покончить. «Я пойду в душ, сейчас вернусь. А ты ложись», – без всяких церемоний объявила она, уже не удивляясь своему поведению.

Когда она, завернутая в полотенце, вышла из душа, представитель мужского пола по имени Жора уже лежал в ее постели. Они допили вино. Инстинкт громко говорил Нине, что не стоит ей ложиться с этим Жорой, но из какого-то злого упрямства она легла.

Инстинкт не ошибся, ничего хорошего в этом не было. Жора был ей неприятен. Ничего похожего на давешнюю ночную пляжную любовь с Олегом – ни звезд, ни прибоя и никаких захватывающих ощущений в ее теле. Ничего. Кроме того, ее скоро почему-то стало клонить в сон, и она отключилась, даже не дождавшись конца Жориной возни.

Пробуждение было скверным. У Нины болела голова, но хуже было чувство, что она совершила какую-то серьезную ошибку, за которую ей придется платить. И она тут же убедилась в этом: ее чемодан был распахнут, вещи валялись кру-

гом, сумочка вывернута наизнанку. Ее обокрали. Чернявый Жора с юга был гостиничным воришкой, который обирал одиноких дамочек, ищущих приключений. Что-то подсыпал ей в вино и обокрал. Он учел то, что ей нужно было уезжать, и у нее не было времени его разыскивать, поднимать скандал. Нина закрыла лицо руками и застонала от унижения и стыда.

Однако до отъезда оставался всего какой-нибудь час, и стонать было некогда. Слава Богу, Жора не забрал ее документы и билет на самолет – очевидно, хотел, чтобы она улетела. Он даже оставил ей двадцать долларов – на автобус до аэропорта.

Уже сидя в самолете, Нина никак не могла прийти в себя, была как оглушенная. Все случившееся было так на нее не похоже, не из ее жизни. «Вот уж, действительно, съездила за границу. Сменила обстановку», – подумала она и вдруг вспомнила дурацкое монисто. Жадный Жора прихватил его с собой. Почему-то мысль об этом показалась ей такой смешной, что она истерически расхохоталась на весь салон, вызвав удивленные взгляды пассажиров и озабоченность стюардессы.

Прилетев, она сразу вышла на работу, постаравшись вычеркнуть Турцию из памяти. Игоря она не встретила – тот за это время перевелся в другое подразделение компании. Видно, и ему расставание с Ниной далось не очень легко и

не хотелось с ней каждый день видеться. Впрочем, Нина обнаружила, что ее это уже не так волнует – чувства притупились, все как-то отдалилось, можно было жить дальше.

Но за турецкие приключения ей предстояло заплатить еще раз. Сначала она не обращала внимания на появившиеся неприятные симптомы, но через неделю была вынуждена обратиться к врачу. Анализы подтвердили: треклятый Жора – или романтический Олег? —наградил ее неприличной болезнью. На Нину будто потолок упал. Врач успокаивал ее: «Ну что вы, дорогуша, так убиваетесь? На вас прямо лица нет. С кем не бывает? Поверьте, это пустяк, это лечится. Через две недели будете как новенькая». Нина не могла объяснить циничному балагуру-врачу, в каком ужасе она была, как противна сама себе.

Она прошла курс лечения, потом обратилась в другую, платную клинику и, хотя анализы говорили о полном выздоровлении, настояла на повторном курсе.

Теперь Нина была уверена, что уже никогда ни с одним мужчиной иметь дел не будет, на личной жизни был поставлен жирный крест. «Просто это не мое, – сказала она себе. – Сколько еще нужно доказательств? Кому-то – все эти фигли-мигли, кому-то – профессия. Мое дело – профессия, карьера».

А скоро ее захватили другие, связанные с отцом события, и ей пришлось надолго забыть о своих переживаниях.

Глава 5

Отец проработал на Симоняна два с лишним года, когда все в их компании стало быстро меняться, и не к лучшему. Симонян, прежде появлявшийся в отцовском офисе от случая к случаю, вдруг зачастил, стал копаться в отчетности, подробно расспрашивать об активах компании, состоянии дел. Потом объявил отцу: «Извини, старик, придется поджаться. Время трудное», – и распорядился распродать большую часть имущества, сохранив только самое необходимое, уволить половину сотрудников, отказаться от ряда проектов.

Отец был обескуражен. Он был убежден, что компания на подъеме, и рынок будет только расти, так что впору не экономить, а расширяться. На его вопросы Симонян отрезал: «Сказал же, время трудное!» – но потом, видя, как расстроен отец, смягчился, похлопал его по плечу, сказал ободряюще: «Не бери в голову. Все образуется». Но отец оставался в крайнем расстройстве и недоумении.

Спустя некоторое время Симонян оформил на компанию крупную банковскую ссуду и тут же перевел средства на какой-то другой свой счет. Отцу он ничего не объяснил, сказал только, что вернет деньги в компанию, как только сможет. Потом взял еще одну ссуду и еще одну. Объем задолженности превысил критическую величину: с тем урезанным бизнесом, который оставался у предприятия, оно уже было не в

состоянии погасить долги, замаячило банкротство. В банке это заметили, и когда Симонян явился туда за очередной ссудой, ему отказали и заставили подписать протокол об ускоренном погашении накопленного долга.

Когда из банка Симонян приехал в компанию, его было не узнать: от его вальяжности и лоска ничего не осталось – теперь это был загнанный, затравленный человек. У них с отцом состоялся решающий разговор. Симонян признался, что попал в отчаянное положение, ему позарез были нужны деньги – любые, до последнего рубля.

До отца наконец дошло, что Симонян готов пожертвовать предприятием. Когда-то отец вложил двадцать лет своей жизни в строительный трест, и все превратилось в дым. Но то было понятно: тогда вся страна разваливалась, не то что какой-то трест. Теперь, проработав два с лишним года в симоняновской компании, отец прикипел к ней, как прежде к тресту. Он трудился не покладая рук, постоянно прихватывая вечера и субботы. Все работники компании были обучены и испытаны им лично, за каждого он мог поручиться; все проекты и технические решения были его проектами и решениями. Но у этой компании был владелец, который решил ликвидировать ее из-за каких-то своих проблем.

Отец сообщил Симоняну то, что тот знал и сам: продавать было больше нечего – их устаревшее оборудование могли взять только по цене лома. Главная ценность компании была в ее кадрах, их квалификации и опыте, но это рыночной

стоимости не имело. Правда, можно было что-то выручить, если продать другим фирмам оставшиеся проекты. Кое-чего стоила аренда офиса и склада: то и другое было оплачено вперед, и эту аренду можно было кому-то переуступить. «Но это значит, что нечего будет возвращать банку. Это называется вывод активов, подсудное дело», – заметил отец мрачно. Пропустив это замечание мимо ушей, Симонян спросил, сколько времени уйдет на переоформление проектов и аренды, и сам же ответил себе: «Не меньше месяца. Не имеет смысла...»

Симонян посидел молча, барабаня пальцами по столу, потом посмотрел на отца задумчиво и вдруг выдал: «Слушай, Евгений, купи у меня компанию. Дешево отдам». Отец опешил. «Но... – пробормотал он. – Как это?.. Да и какие у меня деньги?» Симонян смотрел на него пристально. «Я же сказал: дешево отдам», – повторил он. И назвал цену.

Сумма была по меркам Симоняна небольшая, но для отца – огромная, невыносимая. Во всяком случае, так ему показалось в первую минуту. Но, видно, Симонян в таких вещах разбирался лучше. «Сколько я тебе заплатил зарплаты за все время?» – спросил он и сам назвал точную цифру. «Значит, у тебя отложено примерно...» – он опять назвал цифру, от которой отец вздрогнул – именно столько у него было на сберегательном счету. Симонян продолжал рассуждать: «Заложить квартиру, продать машину. У жены что-нибудь есть? Шуба, камушки? Понимаю, жалко, но прикинь: такой слу-

чай бывает раз в жизни». Выходило, что если отец продаст и заложит все, что можно продать и заложить, то нужная сумма набиралась. И за это отец мог получить выпотрошенную, обвешанную долгами компанию, которой светило банкротство. «Только мне нужно быстро», – уточнил Симонян.

Отец сказал, что подумает. Сказал из вежливости – он был уверен, что думать тут не о чем: компания обречена, и как бы он ни был к ней привязан, это была не причина, чтобы погибнуть вместе с ней. Не сумасшедший же он в конце концов, чтобы совать голову в петлю. Но где-то в глубине души шевелилось искушение, которое нашептывало вопреки здравому смыслу: «Это твой шанс. Не упusti его...» Впервые в жизни отец, честный и работающий, но не хваткий человек, оказался перед подобным выбором.

Он попросил Нину приехать к нему, и вместе с Лидией Григорьевной они устроили семейный совет. Нина выступила против этой авантюры. Она была в курсе того, что происходило у отца с Симоняном в последнее время, и считала, что компания обречена. Нина говорила жестко, не щадя отца, – была уверена, что так и нужно в подобной ситуации. Симонян просто хотел спихнуть на отца свои долги, и кончиться это могло тем, что отец и Лидия Григорьевна остались бы без гроша и даже без крыши над головой.

И тут Лидия Григорьевна впервые удивила Нину. Положив свою руку на руку отца, она сказала: «Решай, как считаешь нужным. Я с тобой».

Отец собрал деньги и выкупил компанию.

Все произошло стремительно, за какие-нибудь две недели. Когда деньги были переданы Симоняну и все документы подписаны, Симонян с отцом распили в офисе компании бутылку армянского коньяка – такого же, как тот, с которого началось их сотрудничество. Симонян был задумчив, говорил мало. Прощаясь, он вдруг обнял отца и сказал: «Все-таки мы неплохо покуролесили, а? Я ни о чем не жалею».

На следующий день в городских новостях сообщили, что на шоссе, ведущем в Шереметьево, в дорожно-транспортном происшествии погиб известный в определенных кругах предприниматель Симонян.

Наступило тяжелое, нервное время. Нина включилась в дела отца: после работы и по выходным ехала к нему в контору, сидела до ночи над бумагами. Скоро она уже знала всю бухгалтерию компании как свои пять пальцев. Даже не разбираясь в технических вопросах, она видела, что это хороший, крепкий бизнес; проекты были разумно сформулированы, сулили отдачу и открывали перспективу на будущее. Оставшийся после сокращения коллектив был похож на сжатый кулак: все работники были один к одному – опытные, надежные, преданные делу. Многие знали отца еще по строительному тресту, доверяли ему и были готовы затянуть пояс, чтобы пережить трудное время.

Через полтора-два года нормальной работы основные

проекты были бы завершены. Вырученных средств тогда хватило бы, чтобы выплатить значительную часть долга и заложить новые проекты, контуры которых уже просматривались. Можно было бы снова набрать людей, расширить операции, и в считанные годы компания развернулась бы, как пружина, в основательное, доходное хозяйство. Но было одно «но», которым все перечеркивалось: сроки платежей по взятым ссудам наступали гораздо раньше, чем можно было закончить проекты, и взять деньги было неоткуда.

Нина начала борьбу за экономию – изучив под микроскопом абсолютно все статьи активов и расходов, включая самые мелкие, представила отцу список того, от чего можно было отказаться. Однако, хотя этот список делал честь ее профессионализму и дотошности, итоговая экономия оказывалась незначительной. Все ценное уже увел Симонян, который выжал компанию как лимон.

Теперь Нина видела отца почти каждый день, но при этом разговаривали они мало. Отец был сам не свой из-за последних событий и гибели Симоняна, о которой он не знал, что и думать. На всё у него был один ответ – работа; он еще больше погрузился в инженерные проблемы, пропадал на объектах, подменяя своих подчиненных. О том, как придется расплачиваться по ссудам, он просто отказывался говорить, как страус, пряча голову в песок. «Не волнуйся ты так, Нинок, – говорил он дочери с наигранным оптимизмом. – Все образуется. Когда надо будет, я пойду в банк, все объясню. Уверен,

они дадут отсрочку – ну, не звери же они».

Нина, несколько лет проработавшая в инвестиционной компании, знала о банках побольше отца и не обольщалась насчет их милосердия или хотя бы здравого смысла. Но как она ни ломала голову, ничего принципиально другого она придумать не могла – выходило, что оставалось уповать на отсрочку, которую банк мог им великодушно предоставить. Только, конечно, нельзя было приходить в банк с голыми руками – нужно было принести подробный бизнес-план, из которого железно следовало бы, что этот бизнес банку выгоднее поддержать, чем уничтожить.

Разработкой такого бизнес-плана, сроком на пять лет, и занялась Нина. Тут бы ей очень пригодился совет Игоря, который был экспертом именно в оценке эффективности инвестиционных проектов, но Игоря она не видела с тех пор, как захлопнула за ним дверь, а позвонить ему, попросить о встрече было немыслимо. Игорь решил бы, что она пытается его вернуть, а она вовсе этого не хотела. Она больше не желала пускать в свою жизнь никаких мужчин – никогда.

И с бизнес-планом она могла справиться без Игоря, ума хватало. Беспокоило ее другое. Наведя справки о банке, который их кредитовал, она выяснила, что это было одно из многих мелких и темных финансовых учреждений, возникших в конце прошедшего века неизвестно откуда и делавших деньги неизвестно на чем. В последние годы часть из них старались «отмыться», прибиться к легальному бизнесу,

но люди в них работали те же, и психология у них была та же, что в бурные девяностые. Те, для кого Нина сочиняла по вечерам свой бизнес-план, могли просто не понять, что в нем написано, а если бы и поняли, то вряд ли пятилетняя перспектива могла их в чем-нибудь убедить. Как голодная собака верит только в мясо, они верили только в наличные деньги, и не когда-нибудь, а сейчас.

Был еще запасной вариант: получив отказ в своем банке, можно было с этим бизнес-планом пойти в другой, в надежде найти там более профессиональных и разумных людей. Разумные люди в другом банке, оценив перспективы бизнеса, могли дать компании долгосрочную ссуду, чтобы она расплатилась по краткосрочным, но тогда эти разумные люди непременно постарались бы отнять компанию или, по крайней мере, стать ее совладельцами. Нина считала, что на такой вариант нужно было соглашаться, конечно, постаравшись сохранить контроль над компанией за собой.

Однако жизнь опять показала, что у нее в запасе всегда есть сюрпризы, способные расстроить планы и расчеты маленьких людей.

Как-то в субботу Нина и отец сидели в офисе вдвоем: отец у себя в кабинете, а Нина, с бумагами, за столом секретарши в приемной. Вдруг дверь распахнулась, и вошли трое. Один был среднего роста, худощавый, в хорошем пальто, двое других – шкафообразные громилы в кожаных куртках. Первый,

скользнув по Нине глазами, что-то сказал громилам, и те остались в приемной, а сам он прошел к отцу.

Нина знала, что отец никого не ждал. Желая выяснить, в чем дело, она вскочила было, но один из громил поднял ладонь, похожую на совковую лопату: «Сиди». Нина осталась на месте. Она лихорадочно соображала: что это, ограбление? Эти двое – явно криминальные типы. Но никаких денег в офисе нет, что у них с отцом тут брать?

Нина немного успокоилась, когда из кабинета отца донеслись голоса – вроде бы, разговор был спокойный, на налет не похоже. Что ж, может быть, это какие-то странные клиенты, решила она. Хорошо бы они дали компании заказ, на котором можно быстро заработать, – тогда пусть будут хоть черти из преисподней. Она вернулась к своим бумагам, но не могла сосредоточиться, все время прислушивалась к голосам за дверью, стараясь уловить, о чем идет речь.

Один из гостей опустился в кресло рядом с Ниной. Кресло жалобно заскрипело. Громила осклабился Нине и произнес: «Гы-ы...» Нина ему явно приглянулась. Вместе с креслом он придвинулся к ней, намереваясь перейти к активным ухаживаниям. Однако другой – видимо, он был старшим, – бросил: «Завязывай, слышь». Романтически настроенный громила тут же поскущел, отодвинулся, вынул из кармана куртки какой-то журнал с картинками и углубился в него.

Потом Нина заставила отца передать ей во всех подробностях разговор, который у него состоялся с неожиданным ви-

зитером.

Пришедший был довольно молодой человек, одетый в дорогие, хотя и дурно подобранные вещи. У него на лице не было шрамов, на руках не были видно татуировок, и пахло от него не тюремной парашей, а французским одеколоном, но все-таки у того, кто оказывался с ним рядом, в голове сразу проносилась мысль о чем-то страшном, уголовном, и по спине проходил холодок.

Бандит занял стул рядом со столом отца и с минуту ничего не говорил. Он оглядел кабинет, потом достал портсигар, вынул коричневую папиросу с перекрученным концом, закурил. По кабинету поплыл дымок со странным запахом.

Наконец бандит посмотрел на отца. Глаза у него были скверные – больные, ненормальные, они как будто не могли ни на чем сфокусироваться, взгляд их все время прыгал. Однако при этом бандит прекрасно видел и замечал все, что ему было нужно.

Отец не выдержал, поднялся со стула.

– Объясните же, наконец, в чем дело...

Тот сделал жест рукой, в которой дымилась папироса:

– Сядь, не мельтеши.

Отец подчинился, да и любой подчинился бы на его месте. Когда актеры в кино изображают бандитов, они для достоверности кричат, хрипят, сквернословят и корчат страшные рожи. Однако в жизни те, кто на самом деле убивает людей, как будто это заурядная работа, не нуждаются в крике и ру-

гани, чтобы произвести впечатление. И посетитель отца не кричал.

– Давай, базарь, – сказал он спокойно. Это «базарь» было одним из немногих блатных словечек в его речи, в остальном он говорил почти правильным языком.

– Ч-что вы имеете в виду? – с трудом выговорил отец.

– Ты тут ходил под Симоняном? – спросил гость.

Отец приосанился.

– Я директор компании.

Гость кивнул. Потом, затянувшись папиросой, спросил:

– Ты знаешь, кто я?

Отец отрицательно потряс головой.

– Повезло тебе, – сказал бандит и добавил: – Но твоё везение кончилось.

– Ч-что вы имеете в виду? – опять спросил отец.

– Твой Симонян задолжал деньги уважаемым людям.

Много денег. И соскочил, гад.

– Но... Он же погиб, – проговорил отец.

– Я и говорю: соскочил. Ловкий был, крыса. Ну, давай, излагай, что тут у тебя за халява. Думай, как платить будешь.

Отец был парализован страхом. Потом он спрашивал себя, почему он так испугался, и мог ли он повести себя иначе, но признавался себе, что, повторись этот разговор, он был бы так же раздавлен. У него в кабинете сидел настоящий, крупный хищник, рядом с которым он, отец, был овцой, и ничто не могло изменить этой расстановки сил.

Отец хотел было сказать, что он теперь владелец компании, но прикусил язык, поняв, что это бессмысленно. Для бандита он был человеком Симоняна, и точка.

Помямлив, он стал рассказывать, что Симонян обескредитовал компанию, и денег в компании нет. Хуже того, они по уши в долгу перед банком, и им грозит банкротство.

– А ты не врешь мне? – спросил бандит и заглянул отцу в глаза, отчего у того сжалось нутро. – Вижу, что не врешь. Ах, Симонян, Симонян...

Бандит недовольно раздавил папиросу в пепельнице.

– А что за банк? – спросил он.

Отец назвал.

– А, знакомый гадючник, – сказал тот. – Ладно, я там побазарю, они от тебя отстанут. А ты давай, трудись. Зарабатывай бабки. Учти, платить все равно придется.

– Я к тебе бухгалтера пришлю, – добавил он. – Но это так, для порядка. Ты ведь меня не кинешь? Не соскочишь, как Симонян?.. Помню, Симонян говорил, что ты семейный, так что куда уж тебе...

Гость поднялся и направился вон, но обернулся.

– Эта, в приемной сидит – дочка, что ли, твоя? Похожа.

У отца дернулся кадык и сжались кулаки.

– Ладно, не напрягайся. Никто ее не тронет. Ты теперь подо мной ходить будешь, а я своих людей не обижаю, – сказал бандит почти ласково и вышел, закрыв за собой дверь.

На следующий день явился бухгалтер от бандитов. Звали его Самуил Яковлевич. Познакомившись с отцом и Ниной, он сразу объявил им:

– Я вижу, что вы хорошие люди, и я вам скажу как родным: не доверяйтесь мне. Я у господ бандитов на крючке и все буду им докладывать, уж вы меня простите. А кому вообще можно доверять, хотел бы я знать? Я прожил на свете шестьдесят лет и скажу вам: нельзя никому, даже себе.

Он был болтлив, на любой случай у него была присказка, история или анекдот, но когда отец задавал вопросы о его преступных покровителях, бухгалтер замолкал и как-то съеживался. Было видно, что он напуган основательно, раз и навсегда. Только спустя время, в минуту откровенности, он сказал отцу: «Вы хотите знать, что может заставить старого еврея служить бандитам? Дети, что же еще. Сынок Аркаша. Молодые – все нетерпеливые, им подавай все сразу. Аркадий связался не с теми людьми, залез в долги, и вот... – Самуил Яковлевич горько вздохнул. – Нам бы уехать, у нас есть родные в... – нет, я вам не скажу, в какой стране. Только кто же нам позволит? Вот, Симонян тоже хотел уехать...»

При этом бухгалтером он был превосходным, и когда не рассказывал анекдоты и не пил чай с пастилой, которую очень любил, он давал отцу и Нине очень дельные советы. Однако его миссия была все-таки в том, чтобы следить за делами компании и докладывать обо всем главному бандиту, которого, как выяснилось, звали Михаил Антонович, а

в своем кругу – Миша Пермяк. Видимо, Самуил Яковлевич доложил все, как было, потому что Миша Пермяк в компанию больше не навевался, а наведался в банк. Это стало ясно по тому, что отцу оттуда позвонили, пригласили зайти, чего раньше не случалось. Его принял заведующий отделом промышленных кредитов. Глядя куда-то мимо отца, он сказал, что банк принял решение переоформить две подлежащие погашению ссуды компании как долгосрочный долг, и сунул отцу бумаги на подпись.

Это был царский подарок. Компания получала необходимую передышку, забрезжила перспектива выживания. Однако вместо радости в компании царила гнетущая атмосфера. Отец не мог отойти от пережитого страха после общения с Мишей Пермяком, да и положение, в котором он теперь оказался, не давало ему ничего забыть. Побыв недолго хозяином собственной, хотя и разоренной компании, он стал теперь подручным бандитов, которому позволяли работать только для того, чтобы он добыл для них деньги.

Отец был раздражителен, подавлен. Даже его всегдашнее средство от всех печалей – работа – не помогало. Он то лихорадочно хватался за дела, то запирался на целые дни в своем кабинете, никого не желая видеть. В такие периоды Нина все больше брала на себя – правдами и неправдами выпрашивая выходные у себя на службе, целые дни проводила в компании.

Именно из-за этого у нее с отцом происходили ожесто-

ченные споры. В тот же день, когда их посетили бандиты, отец заявил ей, что она больше не должна приближаться к компании на пушечный выстрел. «Ты не понимаешь, что это за типы, – говорил он дочери. – Я не прощу себе, если ты окажешься в это втянута». На это Нина возражала, что теперь это уже все равно, прятаться бессмысленно: бандиты ее видели, знают, кто она, и, если понадобится, отыщут ее где угодно. Они так и не договорились, но Нина продолжала приезжать и, несмотря на недовольство отца, впрягалась во все дела.

Хуже всего было то, что отец, кажется, опять начал пить. Пьяным Нина его не видела, и всего пару раз учуяла шедший от него запах алкоголя, но она замечала на его лице то же пустое, потухшее выражение, которое было у него, когда он сидел без работы и напивался у себя на кухне. Теперь Нина была уже не беспомощной девушкой-студенткой и, казалось бы, могла во многом помочь отцу, но результат оказывался тем же.

Так прошло с полгода. Проекты, несмотря ни на что, продвигались по плану, хотя денег в компании по-прежнему не было.

Однажды опять открылась дверь и вошел Миша Пермяк с двумя громилами. Громилы были другие, но очень похожие на прежних. Они так же дисциплинированно остались в приемной, а Миша прошел к отцу. На этот раз Миша велел

позвать для участия в разговоре Самуила Яковлевича и Нину. Отец хотел было возразить, что Нина здесь ни при чем, и не нужно ее впутывать, но встретив Мишин взгляд, осекся и подчинился.

Миша занял тот же стул, что и в первый раз, так же закурил и оглядел собравшихся. Только теперь он не сказал: «Базарь», а просто кивнул Самуилу Яковлевичу. Тот начал тараторить, обрисовывая текущее положение. Посыпались цифры, даты, бухгалтерские термины.

Миша молча слушал пару минут, потом сделал бухгалтеру жест, и тот умолк. Миша вдруг посмотрел на Нину – заглянул прямо в глаза. Его собственные глаза были совершенно безумны, человеческого в них ничего не осталось.

– Ты, – произнес он.

Нину сковал страх, она не могла вымолвить ни слова.

– Ты говори. Ты, видать, умная, – сказал Миша.

– Ч-что говорить? – пролепетала Нина.

– Скажи без понтов, как тут дела. Когда у твоего отца будут деньги?

Нина набрала в грудь воздуха и сказала решительно:

– Благодаря отсрочке ссуд компания работает нормально, но первые деньги появятся не раньше, чем к концу года.

Миша сказал:

– Хреново... А может, двинуть всю эту музыку?

– Вы хотите сказать – продать компанию? – переспросил Самуил Яковлевич. – Это можно! При нынешней конь-

юнктуре рынка, с учетом сезонного роста котировок... – Он опять стал сыпать цифрами.

И опять Миша остановил его и велел говорить Нине. Нина назвала срок, за который можно было оформить продажу и сумму, которую реально было выручить. Задумываться ей не пришлось, она и сама не раз прикидывала этот вариант.

– Не катит, – сказал Миша. – Нужно больше. И скорее.

Воцарилось молчание. Миша сидел, глядя в стену, как будто забыв о присутствующих. Папироса в его руке погасла. Очнувшись, он бросил ее в пепельницу, достал из портсигара другую.

Закурив, бандит сказал:

– Кумекайте, коммерсанты. Время вышло, пора башлять.

Отец не выдержал:

– Но в компании нет денег, и взяться им неоткуда. Что будет, если я не смогу заплатить?

– Не будем пока об этом, – отозвался Миша без всякого выражения.

Он загасил папиросу и ушел.

В тот день отец напился прямо у себя в кабинете. Нина сбегала в магазин, принесла еды, чтобы он не пил без закуски, и стала ждать, когда он отведет душу, и можно будет везти его домой. Как многих пьяных людей, отца обуревали то амбиции, то самоуничужение и жалость к себе. «Что они себе позволяют?! – кричал он Нине, раскрасневшись. – Что я им, мальчик? Да я трестом руководил, мы такие дела дела-

ли, что им и не снилось!» Потом, без всякого перехода, он стонал: «Во что я превратился?.. Тряпка твой отец, Нина. Ты лучше беги от меня. Бегите все, дайте мне сдохнуть!»

У Нины от всего этого, кроме собственного пережитого страха и страдания за отца, осталось еще ощущение какого-то абсурда – более того, знакомого абсурда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.